

Женщина ***5.2022***
Дагестана

Это мудрая и самоотверженная женщина, и сила ее слова известна не только в Республике Дагестан. В самые трудные дни она всегда была там, где люди нуждались в ее помощи и поддержке.

Владимир ПУТИН

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения народного поэта Республики Дагестан Фазу Гамзатовны Алиевой.

Яркий, самобытный писатель, автор многих замечательных произведений, видный общественный деятель, выдающаяся женщина Страны гор, прекрасная мать, воспитавшая талантливых сыновей.

С ее именем связана целая эпоха в истории многонациональной литературы народов России. На протяжении многих десятилетий Фазу Гамзатовна служила развитию дагестанской литературы. Ее помнят и любят как в нашей стране, так и далеко за её пределами как яркого поэта, публициста, гражданина, патриота родного края.

Переведённые на многие языки мира ее книги, впитавшие красоту и величие Дагестана, его уникальный национальный колорит, богатство традиций, сам дух дагестанского народа, стали неотъемлемой частью отечественной культуры.

Самого глубокого уважения заслуживает и плодотворная общественная, просветительская деятельность Фазу Гамзатовны, направленная на защиту ценностей семьи, нравственно-патриотическое воспитание подрастающего поколения. В непростые для нашей республики времена возглавив Союз женщин Дагестана, каждую потерю, каждое горе семьи Фазу Гамзатовна воспринимала как мать, как сестра, находила самые нужные слова для близких.

Думаю, в нынешних условиях 90-летие Фазу Алиевой, 100-летие Расула Гамзатова и другие мероприятия, посвященные нашей великой истории – как Дагестана, так и страны в целом, – становятся еще более значимыми.

В связи с сегодняшней непростой международной обстановкой тема войны и мира, превалирующая в многогранном творчестве Фазу Гамзатовны, особенно актуальна. Из написанных 38 поэм 13 поэтесса посвятила героическому подвигу нашего народа. Через все ее творчество красной нитью проходит мысль о необходимости как зеницу ока беречь и сохранять мир. Для Фазу Алиевой «мир» – не просто слово, а стратегия и тактика ее жизненной позиции. Она не только писала об этом, но и сделала многое в деле укрепления дружбы между народами, патриотического воспитания молодых поколений, пропаганды лучших национальных традиций и общегражданских духовных ценностей Российского государства.

Глава Республики Дагестан С. А. Меликов

Цветы возлагают
Глава РД Сергей Меликов и
Председатель Совета Федерации РФ
Валентина Матвиенко

«Не прозевай зарю!..»

Думаю, что дольше и ярче всего в человеке сохраняются те чувства, что были восприняты им в детстве. Так, до сегодняшнего дня мне кажется, что я просыпаюсь в нашем маленьком ауле, где мы всей семьей спали на земляном полу узенькой комнаты, из окна которой виднеется горный простор.

...В ушах звенит бабушкин голос, когда она стягивала с нас одеяло: «Не прозевайте зарю! Не прозевайте зарю! Быстро вставайте, птички уже чирикают, ласточки третий раз возвращаются с кормом для своих птенцов! Слышите, о чем они поют: «Не прозевайте зарю!»

Маленьким ребенком я думала, что мир начинается с той горы

перед нашим селом и кончается за этой горой. Но когда началась Великая Отечественная война, я поняла, что наша Родина – большая, огромная, необъятная. Позднее я попала в Литературный институт в Москве, который мне открыл не только окно, но и ворота в литературу, культуру, искусство всей России и всего мира. Я, словно жар-птица, мысленно порхала над своей мужественной страной. А посещая разные страны мира, прославляла Родину своими стихами и выступлениями. Чем больше стран я посещала, тем больше укреплялась в моем сердце любовь к своей Родине – малой и большой.

Дорогие мои читатели, я люблю поэтов искренних. Искренность

... Душа моя! Ты отдала немало
Тепла и света, радуя людей,
И, как родник, чем больше отдавала,
Тем чище становилась и полней.

поэта всегда покоряла человеческие сердца больше, чем что-либо. Через всю мою жизнь, как обнаженное сердце на ладони, я несла свои мысли, свою любовь и огорчения к читателям. Те, кто желает испытать из источников моего опыта, моего вдохновения, всегда найдут распахнутыми сердце и мысли мои. Перед вами мой поэтический мир – моя душа, жизнь, которую я пережила и ощущала. В каждом моем вздохе, в моем слове были готовность защитить нашу великую страну, беспокойство за мир, боль за каждого россиянина и покой его души. Все 27 лет моей деятельности в «Комитете защиты мира», особенно после распада Советского Союза, были годами изнурительной работы души, беспокойства за свой народ. Вместе с миротворческой работой, командировками одновременно шел процесс поиска новых тем, идей, работа в архивах, создание новых произведений. Я встречалась с великими людьми, которыми я восхищалась, на кого хотела равняться, у кого хотела поучиться, вместе с тем поделиться и своими взглядами, мироощущением. В долгих ночных монологах я взвешивала каждое слово, обдумывала канву будущих выступлений, произведений. Старалась дать моему народу все самое ценное, святое, дорогое, что было взято мною у мудрых предков. Все то, что в юности казалось обычным, с годами приобретает глубину и высоту. Только потом начинаешь понимать, почему наши предки так бережно хранили свои традиции и обычаи. Все, что я приобретала в жизни, все, что откладывалось в моих сердечных хурджунах, я перекладывала на бумагу, чтобы оно дошло до моих читателей.

Мои стихи – это мой взгляд на жизнь. Они почерпнуты из народных истоков. В горах, в зимние метельные ночи, горцы оставляли

зажженными лампы на окне, чтобы случайный путник не заблудился, чтобы он издали мог увидеть свет в окне – признак живого человека – и шел на этот огонек, к людям. Многих это и спасало. Часто я задумывалась над этим обычаем горцев. Я сама шла, как путник, на свет сердец многих домов необъятной России, по зову их сердечного огня. Они принимали меня как самого родного и дорогого человека. Не было уголка моей Родины, где я не увидела бы зажженные огоньки их сердец. От каждого из них я получала тепло, уносила с собой частицы и искры их доброты, их человеколюбия, искры дружбы. Эти встречи, как перекинутые от сердца к сердцу мостики дружбы, служили объединяющей силой в моей работе во благо нашей общей родины России. Хотелось бы, чтобы мои стихи зажигали непотухающие чирахи тепла и света в сердцах людей, звали их к дружбе, взаимопониманию, к труду, рукопожатию и миру. Чтобы мое слово служило утешением в горечи и поддержкой в печали, чтобы вы могли поверить в торжество добра и справедливости.

Дорогой мой читатель, надеюсь, что мои бессонные ночи, пережитые мгновения жизни, мои строки останутся с вами, даря вам радость, принося светлую, плодотворную печаль.

Спешу... Не прозевать бы зарю!.. В ушах звенит бабушкин голос:

«Не прозевайте зарю! Не прозевайте свое счастье!»

С искренней любовью, ваша ФАЗУ

Слово о Фазу

Фазу Гамзатовна Алиева родилась 5 декабря 1932 года в селении Геничутль Хунзахского района Дагестанской АССР в семье военнослужащего.

Фазу не было и 5 лет, когда в сентябре 1937 года трагически погиб ее отец, Али, – политрук Национального кавалерийского полка. Фотографии донесли до нас его облик – мужественного, черноусого офицера в браве надвинутой на лоб папахе, в черкеске с газырями...

– Мой отец – комиссар первого кавалерийского эскадрона дагестанского национального полка, – рассказывала Фазу Алиева, – был настоящий поэт, романтик. Знал много преданий, легенд. Иногда брал меня с собой в горы чистить родники. О каждой вершине, каждом роднике, водопаде знал, почему так называется, какие события происходили, какие герои здесь сражались, защищая родину. Даже о камушке, цветке он мог придумать увлекательную сказку. Природа, все явления ее представляли передо мной чудесно преображенными. В них я искала место и себе, своим фантазиям. Если бы не отец, я, возможно, не стала бы тем, что я есть, – поэтом, писателем...

Слово Фазу

«...Первое стихотворение? Конечно, помню! Это был незабываемый дебют, – вспоминает Фазу Алиева. – Из-за него мне даже из дому пришлось убежать... Училась я во втором классе. Однажды учительница Хожя на уроке рассказала нам о лётчике, который, сбив много вражеских самолетов, попал в плен к фашистам. Израненный, обгоревший, он держался мужественно и погиб как герой. Этот рассказ так взволновал меня, что ночью мне снилось, будто я сама сбиваю самолёты и попадаю в плен к врагам. И вот, сама не знаю как, сочинила стихотворение. Называлось оно – «Салам герою».

Хожя прочла моё стихотворение в классе и очень хвалила меня. В тот же день оно было опубликовано в школьной стенгазете «За отличную учебу». На перемене, делая вид, что я люблюсь заглавием газеты, я его без конца перечитывала. Бежала домой радостная, вприпрыжку. Но на развилке пяти тропинок меня ожидала мама. По её лицу я поняла, что ничего хорошего меня не ждет. Причитая, она схватила меня за руку:

– Ты хочешь нас опозорить? Надумала стихи писать! Я из тебя сделаю столько частей, сколько слов в твоей песне! Женщины нашего рода тихи и молчаливы, как стоячее озеро, они видели только землю под ногами, запомни это!

А дома бабушка меня напугала, что за стихи мне обязательно зашьют рот воловьими жилами, как несчастной Анхил Марин. Всерьёз поверив в страшное наказание, я собрала свои тетрадки и учебники, так как школу бросать не собиралась, и потихоньку убежала в горы, к двум водопадам, где над пропастью Цолбок, в пещере, я намеревалась провести остаток своих дней. Моё исчезновение всполошило маму, бабушку, весь аул. Как смеялась потом Хожя, узнав о моем побеге!

– Пиши, Фазу, и никого не бойся, – сказала она, – теперь за это никому не зашивают рты.

Вот с её доброго напутствия все и началось... А если говорить серьёзно, то впервые свои стихи напечатанными я увидела, когда училась в 7-м классе. День что ли такой особенный выдался, весенний, солнечный, а может, это и есть вдохновение, но во мне все почему-то сияло и пело. И на уроке математики, когда все писали контрольную, из меня вдруг потоком полились стихи. Учитель, увидев в моей тетради вместо цифр размашистые строчки, тут же забрал её и отправился к директору с жалобой. После уроков меня вызвали в учительскую. Шла как на казнь. Но там собрались все учителя, и все почему-то улыбались.

– Фазу, ты написала настоящие стихи, – сказал директор. – Ты позволишь отправить их в газету «Большевик гор»?

Вот так мои первые стихи «Мать» и «Знамя мира» появились в печати. Когда вышла газета, я буквально ошалела от счастья. Тогда я ощущала себя если не родственницей Пушкина, то, по крайней мере, младшей сестрой Махмуда из Кахаб-Росо...»

Любви бесценный дар

Однажды я спросила ее, как называется селение, в котором она родилась. Она тут же, наклонившись ко мне, тихо сказала: «Дай мне грушу». Не поняв в данной ситуации ее просьбы, я настойчивее повторила вопрос. Оказывается, в Аварии бытует легенда, что у одного знаменитого каменщика смертельно заболел сын. Чтобы скрасить на природе его последние дни, мастер повез его в горы. Но чистый воздух, целебные травы и родники спасли ребенка, и первые сказанные им отцу слова были: «Дай мне грушу», что по-аварски звучит «Геничутль». Каменщик потом на этом месте воздвиг дома, туда пришли люди, и место это, облагороженное трудом человека, стало обильным и цветущим...

* * *

Аул Геничутль взбежал на пологую грудь Акаро и, зацепившись за скалы, остановился, задумался, лицом повернувшись к старинному Хунзаху. Теснятся дома, крыша над крышей, плечо к плечу, над величавой поймой реки Тобот. Дом Али Гамзатова, отца Фазу, в центре селения. Он сам строил его по городскому образцу – не под земляной крышей, а под железной; с окнами на три стороны, высокой верандой. В эту осеннюю пору, как и у всех в ауле, вялятся на ней скрутки горских колбас, начиненных барбарисом, пряными травами, сушатся абрикосы, нарезанные кружочками яблоки и золотые слитки кукурузы. О доме, с которого Фазу начинала свой путь, она скажет: «Вынослив, как наши горцы, как наши горянки, прост».

Коротки сумерки в горах. Закатному солнцу здесь нежиться негде, горы его быстро заглатывают. Фазу сидит на коленях у отца, смотрит в темное окно, где круглая луна кутается в облака, как в рваный шерстяной платок, и задает извечные детские вопросы:

– Папа, почему бывает день и ночь?

Широкоплечий, красивый Али задумывается и, щекоча жестким усом ее щеку, начинает придумывать сказку:

– Высоко в горах сидит большая старуха, она прядет черную и белую шерсть. Когда сучит черные нитки – приходит ночь, и все живое, утомленное за день, ложится спать. Когда белую шерсть прядет – просыпается солнце, наступает утро, и все отдохнувшие за ночь зверюшки, птицы, цветы на лугах начинают трудиться и петь.

Голос отца убаюкивает, Фазу сползает с его колен на постеленную тут же, на полу, кошму, где уже вповалку спят ее младшие сестренки Нуцалай,

Шахсанат и старший брат Наби. Укутывается в теплое одеяло, и сквозь прозрачные пушинки сна ей видится на снежной вершине горы старая женщина, вся утонувшая в облаках белой и черной шерсти.

С рассветом Фазу проснулась от звона подойника, бабушка собиралась доить корову Чернушку, а мама при керосиновой лампе хлопотала у плиты. Пахло бараньим наваром, чесноком, кинзой. Значит, заря уже поцеловала вершины гор, и скоро придет веселое утро. В счастливом ожидании она повернулась к окну, но за ним была густая зловещая пелена. Не взлетали ласточки, не стучали в стекло ветки дикой розы, посаженной отцом.

– Старуха перепутала нитки, – в страхе подумала девочка, – может, она ослепла, и теперь никогда не наступит день...

Селенье в горах – большое гнездовье. В одном конце чихнут – в другом здоровья пожелают. С крыши на крышу несет тревожная весть: у Гамзатовых семилетняя дочка пропала. У Апи, матери Фазу, сбился платок на голове, дрожат губы:

– Вместе со всеми детьми она спала, а потом – нет её. И платка теплого нет, и чувак. Всех её подружек с бабушкой обегали, всех соседей – никто не видел. На огороде, в хлеву тоже нет.

Бабушка на молитвенном коврике бьёт слёзные поклоны в неурочной мольбе:

– Вай, Аллах, мою жизнь возьми, спаси внучку, вай, аставируллах!

Все, кто в этот день в ауле был свободен, отправились прочесывать горы. Такого тумана, как сегодня, давно не было. Заблудиться может ребенок, в ущелье свалиться, в поток упасть. В клочущем тумане глухо отзываются, кличут голоса:

– Фазу-у! Фазу-у!

К полудню, когда туман уже рассеялся, а аул стал покрываться черным платком беды, Фазу, спящую, закутанную в теплую бурку, принесли чабаны. Нашли ее недалеко от селения в Волчьем урочище, куда ненароком забрела часть отары. Из ее ответов никто так и не понял, какую слепую старуху она там искала и при чем здесь черная и белая шерсть...

Взволнованные аульчане, расходясь по домам, откровенно судачили. Избаловал Али свою дочь, своевольная растёт. Пошлют её в горы за щавелем, лебедой – а она в цветах возвращается. Кизяк велят собирать, все дети по дороге идут, где скотина ходит, а она по скалам скачет, будто тропу там ищет...

Из очерка В. Зелениной «Любви бесценный дар»

Слово Фазу

... Мне кажется, что и эта любовь к прекрасному, и эта жажда знаний заложены во мне генетически. Все мои предки, как со стороны матери, так и отца, – ученые, алимь.

Дед моей матери с одной стороны был советником и наибом имама Шамиля – Инквачи Дибир, второй дед – Хайдарбек-старший – был ученым-арабистом.

Его сын, отец моей матери и любимого дяди Мансура, Хайдарбек-младший, превзошел своего отца в знании Корана и шариага.

Тетя матери – Хандулай-хаджи – единственная у нас в Геничутле паломница, дважды посетившая Мекку.

Прабабушка моя – из рода Алихановых. Генерал царской армии Кайтмаз Алиханов, полковник Умалат Алиханов – ее братья...

Отец моей бабушки – известный ученый-арабист Пирбудаг из Геничутля...

* * *

... Узнав мой голос, она спешит к двери, я слышу ее мягкие шаги. Ключ не повинуется ей, она долго вставляет его в замок, вертит в разные стороны. Когда, наконец, дверь открывается, навстречу мне устремляются две руки, давно уже бугристые и отяжелевшие. Я беру их в свои руки, глажу, а она целует меня, раз от раза все нежнее и нежнее, и произносит:

– Слава Аллаху, я снова вижу тебя. Пусть он сделает так, чтобы эта встреча была не последней. Знаешь, я как чирах: и фитиль коптит, и керосин на исходе...

– Нет, мама, ты еще долго будешь жить, ты для нас и мать, и отец; ты для нас все! – отвечаю я ей, а у самой болит душа: неужели случится так, что мне не нужно будет торопиться сюда, что я не услышу больше этот властный и чистый голос, не увижу аккуратно убранный кровати с легкой, как поднявшееся на дрожжах тесто, подушкой и этих протянутых мне навстречу рук?

Это вам, мои горы...

КТО МЕНЯ НАУЧИЛ?

Родина!
Скажи мне, кто впервые
Научил меня любви такой,
Кто вписал мне в сердце твое имя,
Чтоб всегда стучало под рукой?

Может, птица – вестница апреля
С голубою брошкой на груди
Мне над колыбелькою пропела
Про твои высокие пути.

Может быть, пробив под снегом землю
Тем зеленым тоненьким копьём,
Рассказал мне рыцарь твой –
Твой стебель
О прекрасном образе твоём.

Может быть, мне солнце постучало
На заре в оконное стекло
И, обняв лучами, рассказало
Про твое лучистое тепло.

Может быть, царь-месяц до рассвета
Простоял со мною у дверей
И своим голубоватым светом
Говорил о нежности твоей.

Может быть, беря меня на улицу,
Мой отец, с нелегкою судьбой,
Закаленный в битвах революции,
Завещал мне дорожить тобой.

Может, мать качала вечерами
Колыбель в затейливой резьбе
И своими добрыми руками
Мне передала любовь к тебе.

Может быть, и тучи грозовые
Проиграли на своей трубе...

Родина,
Так кто ж это впервые
Научил меня любви к тебе?

Я еще не вымолвила «мама» –
Это слово первое в судьбе,
А уже тогда
Из сердца прямо
Проросло зерно любви к тебе.

Я давно уже опора маме,
И сама я мама,
И теперь
Держит душу крепкими корнями
Дерево любви моей к тебе.

Я держу плоды на нежных ветках,
Корни все – под левую рукой...

Родина,
Скажи мне, кто же это
Научил меня любви такой?!

Перевод Инны Лиснянской

Я ВЕСЕЛАЯ ДОЧЬ ДАГЕСТАНА

Я веселая дочь Дагестана.
Моя люлька – ущелье в горах.
Одеяло – лесная поляна,
А подушка моя – в облаках.
А моя колыбельная – это
Речка вешняя,
Ливень сквозной
И любезное горное эхо
Над отзывчивой крутизной.
Я веселая дочь Дагестана.
А на карте страны Дагестан –
Лишь младенец,
Всего лишь гортанный
Ручеек, что течет в океан.
Океан тот от Белого моря
И до Черного моря лежит.
И на этом огромном просторе
Ручеек мой гортанный звенит.
Это я,
Я, дитя Дагестана,
Без конца и без края, и вновь
Отдаю всю любовь океану
И его принимаю любовь.
...Уезжаю из дома надолго –
Так пространства страны велики!
Серебристою рыбой на Волге

Угощают меня рыбаки.
Расцветают на Дальнем Востоке
Деревца, привезенные мной,
И дербентские вина с восторгом
Пьют полярники черной зимой.
А в Баку мастера-мастерицы
Мне нарядные туфельки шьют,
Мне на платья зазорные ситцы
Из Иванова девушки шлют.
Золотит меня солнечность Крыма.
И зовет меня в гости Москва...
Моя Родина необозрима,
Все дела ей мои,
Все слова!
Я веселая дочь Дагестана.
Дар гортанный с рожденья мне дан.
Я звеню, я пою неустанно,
Я вливаюсь в страну-океан.

Перевод Инны Лиснянской

РОССИЯ

Признание в ошибке запоздало –
Корабль державный скрылся под водой.
И никому теперь уже, пожалуй,
Не справиться с нахлынувшей бедой.
Признание в ошибке запоздало –
Ступеньки вверх обрублены давно.
Всему, чем мы гордились от начала,
Подняться к солнцу больше не дано.
И катится Россия по наклонной,
Как тёмный призрак,
В бездну, в пустоту,
Дробя остатки славы окрылённой
И мужеством рожденную мечту.
Гляжу вокруг сурово и уныло,
Не верю утешительным словам.
Как платье, что пожухло и прогнило,
Россия расплзается по швам.
И мне все очевидней год от года,
Что лавров ей былых не возвратят
Ни зов поэта,
Ни печаль народа,
Ни доблесть вековечная солдат.
Смотрю на отлетающую стаю –
И сердцу внятн птиц прощальный крик.
Я Пушкина и Тютчева читаю
И плачу над пророчествами их.
И по ночам меня рыданья душат,
И вижу я, как велика беда.
И слез моих горячих не осушит,
Наверное, никто и никогда.

Перевод Якова Серпина

РОДИНЕ

Солнце ли сияет,
Или дождик льет,
Ветер ли гуляет,
Или снег идет.

День ли смотрит в оба,
Или дремлет ночь, —
Я тебе до гроба
Преданная дочь.

Здесь, где море зыбко,
И густы леса,
Я — твоя улыбка
И твоя слеза.

Здесь, где гор громада
Озирает даль,
Я — твоя отрада
И твоя печаль.

Здесь, где рек кипенье
В чашах из камней,
Я — одно мгновенье
Вечности твоей.

Кровь моя прогрета
Песней голубой,
Но и песня эта
Рождена тобой.

Перевод Инны Лиснянской

МОИМ ГОРАМ

Это вам, мои горы,
Дарю я
Строку за строкой,
Потому что забыть
Не смогу я
Тропы ледяной,
Где жестокой зимой
Я брела,
И, как белый металл,
Снег блистал и хлестал
И метелью мой путь
Заметал...

Это вам, мои горы,
Дарю я
Строку за строкой,
Потому что вы с детства
Учили
В дороге крутой
Не страшиться ни гроз,
Ни обрывов,
Ни гибельных бурь,
А стремиться к вершинам —
Туда, где орлы
Да лазурь...

Это вам, мои горы,
Дарю я
Строку за строкой,
Потому что нигде
Тишины не слыхала такой:
То обвал рокотал,
То, гремя, отсекалась скала,
Чтоб острее потом
Тишину
Ощутить я могла...

Это вам, мои горы,
Дарю я
Строку за строкой,
Потому что нигде
Красоты не видала такой.
Помню блеск ледников,
Водопадов загадочный зов,
Хаос туч и вершин
Над коврами
Альпийских лугов...

До сих пор мое сердце
Ручьями гремит
О гранит,
И снегами горит,
И стрижами в зените звенит,
И за дерзость,
Упорство,
Восторг, что повсюду со мной,
Вам,
Любимые горы,
Дарю я
Строку за строкой!..

Перевод Сергея Северцева

Слово о Фазу

Стихи Фазу начала писать уже в школе. Под впечатлением рассказа учителя о героизме солдат на фронте в 11 лет написала стихотворение «Привет тебе, герой, от пионеров гор!», которое напечатали в школьной стенгазете.

В печати имя Фазу Алиевой появилось в 1949 году на страницах аварской газеты «Большевик гор».

После окончания школы Фазу Алиева четыре года проработала учительницей, пока наконец не решилась получить полноценное высшее образование. В 1954 году Фазу Алиева поступила в Дагестанский женский педагогический институт в Махачкале. Однако там она проучилась только год. Отправив свои стихи на всесоюзный конкурс, она получила приглашение приехать в Москву. Здесь она с успехом сдала большинство вступительных экзаменов, но получила двойку по русскому языку. Но желание учиться было столь велико, что Фазу отправилась в приемную комиссию. Пообщавшись с ней, именитые литературоведы и писатели были крайне удивлены талантами и образованностью девушки из горного Дагестана. И в 1956 году Фазу Алиева была принята в Литературный институт им. М. Горького.

Слово Фазу

«... до поступления в Литературный институт я писала легкие, в основном, лирические стихи, в них не было глубины, философии жизни. Начав учебу, я сначала стала сомневаться, правильно ли я выбрала свой путь. Я пристрастилась к чтению, даже прекрасная институтская библиотека стала мне вскоре тесна. Мне приносили книги мои сокурсники. Семинары, которые вели лучшие литераторы страны и на которых выступали известные поэты, плодотворно вливались в мою поэтическую душу, обогащали. На первом же курсе в конкурсе Союза писателей за стихотворение «Зое Космодемьянской» меня удостоили второй премии, а на третьем курсе в издательстве «Молодая гвардия» вышла в свет в переводе на русский язык моя первая книга «Голубая дорога». Вскоре из меня посыпались те сокровища, которые я с детства впитала в горском ауле — мудрость, терпение и трудолюбие. Я поняла, что настоящие стихи должны быть земными, они должны задевать каждого».

В 1961 году Ф. Алиева с отличием окончила Литературный институт имени М. Горького.

И зримо возникла передо мной луговина Тапаар, простираясь за аулом широкой, раздольной полосой. Я иду по ней вместе с бабушкой, пьянея от запаха чабреца, тмина и мяты. Мы торопимся на местный аэродром, маленький кусочек земли на краю Талаара, куда прилетают самолеты, именуемые у нас «кукурузниками». Бабушка провожает меня в Махачкалу. Оттуда я уеду в Москву – каникулы мои окончились.

– Давай, Фазу, отдохнем немного, посмотри, что за красота! Есть ли еще где-нибудь такая? – бабушка вздыхает и морщинистой почти коричневой рукой гладит пряные стебельки.

– Да, бабушка, я совсем уже пьяная от этой красоты и воздуха, настоящего на травах.

Мы усаживаемся на землю, и бабушка, подняв голову, смотрит куда-то вдаль. Глубоко запавшие и потухшие ее глаза внезапно окутываются влажной поволокой:

Бирюзовая птица

Я сижу в парке, в тени вековых деревьев, спасающих от июльской жары. Вокруг множество людей – и пожилых, и молодых. Играют дети, в колясках провозят малышей. Но я словно пребываю в одиночестве и думаю о прожитой жизни. Разное приходит на память: что-то радует, что-то мучает. И неизбежно возникает извечный вопрос: почему в давнишних обстоятельствах поступала я так, а не иначе. Хотя знай тогда, как следует поступать, чтобы не совершить ошибки, я бы, наверняка, оказалась вне пылкой и неосмотрительной юности. Умение взвешивать и анализировать – примета зрелого возраста.

Неожиданно подлетела и начала кружиться надо мною странная птица – с бирюзовой грудкой и наполовину бирюзовыми крыльями.

– Какое чудо! – вырвалось у меня. Я встала со скамейки, но птица нисколько не испугалась. Еще немного покругившись, она села на ветку старого дерева, под которым я предавалась воспоминаниям.

– Это голубая галка! – уверенно произнес мужчина, отдохнувший рядом.

– Я вижу такую птицу впервые! – сказала я восхищенно.

– А я видел и раньше. Нынче же она прилетела именно к вам. Она, вероятно, знала, что вы будете любоваться ею и напишете про нее стихи, – мужчина улыбнулся и, простившись, ушел.

– Нет, нет, – подумала я, – это не просто птица, это душа моей бабушки. Она обещала, что не оставит меня в трудные дни, что, уйдя со света, станет моим ангелом-хранителем и будет прилетать ко мне, обернувшись бирюзовой птицей.

– Я должна причинить тебе боль, внученька, не могу я не сказать самого грустного. Знаю, ты не раз будешь плакать, вспоминая то, о чем сейчас услышишь.

У меня мурашки пробежали по телу, сделалось жарко, а потом меня пробрал озноб: я догадалась, о чем хочет она сказать мне.

– Бабушка, не печалься, нам трудно расставаться, но несколько месяцев промчатся, как несколько дней, и я снова приеду к тебе на каникулы.

– Нет, Фазу, я предчувствую, что эта встреча у нас последняя. Мои родители и все дорогие для меня люди, которых уже нет на земле, стали приходить ко мне по ночам. Вчера пришла моя мама, дай Аллах ее душе витать в раю, взяла меня за руку и вывела во двор, где стоял белый конь с блистающим седлом и звенящей сбруей. Ни слова не сказав, мама посадила меня на коня и сама села рядом.

– Но ведь ты, бабушка, говорила, что мертвые приходят к живым, когда очень по ним затоскуют.

– Не об этом речь, внученька. Запомни главное. Я завещаю тебе, Фазу, никогда и никому не причинять зла, даже столь малого, как чечевичное зерно. Дари людям свет и добро и, как я учила тебя, не совершай трех ужасных грехов: не воруй, не распутничай и никого не оговаривай. Я и лежа в могиле буду следить за каждым твоим шагом. Душа не умирает: превратится она или в белогрудую ласточку, или в зоркую бирюзовую птицу, и станет прилетать к тебе и будет твоим ангелом-хранителем. И ты навещай меня, приходи на мою могилу. Стань в изголовье – и я увижу тебя.

– Бабушка, никого я на этой земле не люблю так, как тебя. Не уходи от меня, не умирай!

– Кто же, внученька, может разминуться со смертью?! И хоть не было в жизни дня, когда бы слезы высохали у меня на лице, а жизнь все равно прекрасна. Я гляжу на эти горы и долины и думаю: какое чудо предо мною! И радуюсь, что открыта мне вся красота этого мира. Лихая мне выпала доля, сколько близких людей похитила у меня революция, скольких сгноил в тюрьме! Спасибо Аллаху за то, что не отнял он у меня детей моих – Мансура и Апипат. Одна, без отца, вырастила я их. Аллах вернул мне Мансура из тюрьмы и с войны, хоть и потерял он в сталинградском пекле руку. Не лишил меня сына Аллах, – не устаю благодарить его в молитвах!

Тут услышали мы шум мотора и продолжили путь, боясь опоздать. Сердце мое сжималось от боли и стонало. Я едва удерживала слезы. Мама и сестры, ожидавшие нас на аэродроме, нервничали.

– Где вы пропадаете? – упрекнула нас мама, – все секретничаете, две неразлучные души!

Прощаясь с бабушкой, я снова и снова целовала ее, а сев в самолет, прильнула лицом к иллюминатору и дала волю слезам. Самолет оторвался от земли. Провожающие становились все меньше и меньше. В последний раз видела я бабушку, стоящую среди трав и цветов на медвяном лугу...

И вот теперь отыскала меня бирюзовая птица и не спешит улететь.

«Это ты, бабушка, мой ангел-хранитель! – плачу я. – Это ты тоскуешь по мне и прилетела, чтобы осушить мои слезы. Наверное, встретила ты с моим бедным сыном, погибшим Али, – пусть и он бесстрашным орленком прилетает ко мне! Передай ему, что я безутешна. Молчалива моя скорбь, но она сжигает меня изнутри».

...Придет и мой час, и душа моя тоже сделается птицей и примет бирюзовый, мой самый любимый в жизни цвет, и буду я навещать людей, оставшихся на земле. И потому я прошу их загодя: не обижайте, люди, бирюзовой птицы! Ей очень нужны и ваша дружба, и ваша любовь. Не расставляйте, люди, силков на нее, она может петь только на свободе.

Вера

Вера – это самое важное в человеке, вера в широком смысле слова. Без веры человек – как птица без крыльев, как рыба без плавников. Если у человека нет в сердце веры, он, как заблудившийся в лесу, ходит, ходит и приходит на то же место.

Вера постоянно стимулирует человека, дает ему стремление трудиться, идти к своей цели. Можно любить человека, даже уважать, но если не верить ему, из него никогда не получится друг. Нет друга без веры и нет родины без веры, мы не можем из всех сил творить сегодня, если нет веры в будущее. Вера в настоящее и будущее – это золотой мост, по которому гордо шагает человек. Когда гениальный Тютчев писал приведенные мною в эпиграфе стихи, он верил в Россию и завещал потомкам: «В Россию можно только верить!» Это значит надо любить и уважать с верой вместе Родину – Россию. Вера – всех его сил проверка: сердца его проверка, чести его проверка, его отдачи проверка, его прочности проверка.

В жизни нам пришлось многое испытать, но преодолеть все трудности нам помогла вера. Победа в сражениях достигается теми, кто верит в нее, победа в любви тоже достигается теми, кто верит в нее, верит в свои силы. Американский поэт, дипломат Лоуэлл сказал: «Только та вера долго живет и не тускнеет под бурями, которая соткана из убеждения и укреплена жгучей протравой опыта». Лучше не скажешь. До того, как мы произносим слова «Я верю ему!», мы должны быть убеждены, что можно верить ему или другому. Вера держит у себя на службе много хороших качеств человека. Если он верит любимому человеку, он не

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Фёдор ТЮТЧЕВ

изменяет ему, преклоняется перед ним. Если человек верит Родине, он защищает ее, если нужно – и жизнь отдаст ради нее. Оглядываясь назад, мы сегодня можем сказать: победа в Великой Отечественной войне нам досталась благодаря нашей вере в великую Родину; с этой верой люди шли в бой, в огонь. Защищая свое отечество, они верили не только в то настоящее, верили и в будущее. В первые дни Великой Отечественной войны Анна Ахматова написала:

*И та, что сегодня прощается
с милым –
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся,
клянемся могилам,
Что нас покориться никто
не заставит!*

Это была настоящая вера в силу народа и в свою силу, вера в свое пророчество.

Об этом же говорит Роберт Рождественский:

*Вы,
Живые,
Знайте,
Что с этой земли
Мы уйти не хотели
И не ушли.
Мы стояли насмерть
У темной Невы.
Мы погибли, чтоб жили вы.*

Насмерть стоял народ, потому что он верил в Победу, в завтрашний день.

И сегодня, в наше кризисное время, вера многих поколеблена, и в этом корень зла. Я думаю, что можем разочароваться в отдельных людях, но не имеем права разочаровываться в Родине и земле, на которой мы выросли, Дагестан и Россия – вне обиды.

Есть еще вера, священная и непоколебимая, – вера в Аллаха. У кого есть эта вера, у того есть все. Потому что чистый ислам проповедует чистую жизнь, запрещая все, что может омрачить ее. Аллах нам велит быть нравственными, трудолюбивыми, добрыми, доброжелательными, творящими благо. Аллах милостив, сердце, обращенное к нему, всегда светится, отдавая по искорке каждому.

Сегодня, дорогие женщины, я желаю всем крепкой веры, потому что победа в любой области достигается теми, кто верит, в ком вера непоколебима.

«Нет веток без корней, корня без земли своей»

Я молюсь, чтоб дети наши
Были нас умней и краше,
Чтоб в душе они несли
Щедрость неба и земли.
Чтобы песни предков пели
И свои слагать умели,
Чтоб текли у них из глаз
Слезы горя в горький час.
Чтоб звучал их громкий смех
В час веселья и потех.
Чтоб друзья, как говорится,
Им показывали лица,
А враги во все години
Им показывали спины.
Дети в книгу горской славы
Новые пусть пишут главы.
Пусть запомнят навсегда:
Нет без веточки плода,
Нет и веток без корней,
Корня – без земли своей.

Как человек, влюбленный в свою землю и преданный ей, я постоянно думаю о прошлом, настоящем и будущем родного Дагестана, сопереживаю сложившейся ситуации. Мои бессонные ночи, которые стали постоянными спутниками, заполняются мыслями о судьбе нашего народа. На память приходят конкретные исторические события, очевидцем которых была сама, образы людей, которые строили эту историю. И постоянно мучает одна мысль: чем сейчас я могу быть полезна, что должна сказать людям, что посоветовать...

На этот раз я рискну поговорить с дагестанской молодежью, надеюсь, меня услышат...

Все то, что в юности казалось обычным, с годами приобретает глубину и высоту. И тогда начинаешь понимать, почему наши предки так бережно хранили свои традиции, что не только ради общения родились и обряды, и адаты, и обычаи.

Я оглядываюсь назад. Вижу маленький горский аул Гиничутль. На свадьбу собрался весь аул, все одеты в национальную одежду. Женщины в

хабало, на голове старинные платки, на каждой звенят серебряные украшения. Многие мужчины тоже одеты в чуха и гужгат, на головах у них каракулевые папахи.

Над столами легкий пар – золотом отливает хинкал из кукурузной муки, жемчужно сверкает пшеничный. Несут в больших блюдах чуду творожные, мясные и из зелени. На столах нет многочисленных тарелок, непонятных закусок – они ломаются от изобилия дагестанских блюд.

Какая скучаю по горским свадьбам! Здесь царит неподдельное веселье и радость, острословы соревнуются, их перлы остаются в сердце, как резьба на камне. Когда произносится тост, все замирают, внимательно слушают, ловят каждое слово, зная, что оно обязательно будет мудрым и весомым, и его можно будет сохранить в хурджинах своего богатства.

На горских свадьбах не принято выходить на танец всем вместе: какой бы большой ни была площадка, танцует только одна пара – мужчина и женщина. Как это было красиво! Большое пространство окружают нарядные

гости, образуя круг, а в его центре – яркий зажигательный танец! Сколько изящества, целомудрия в женщине; мужества, горделивости – в мужчине! Горянка никогда не выходила в круг без приглашения и уходила из него первая, сдержанно поклонившись мужчине.

Свадьбы в горах – это целое торжество, которое за один-два дня не заканчивается.

Мне очень нравится обычай проводов невесты в дом будущего мужа. Торжественное шествие: невеста, одетая в бархат и шелка, закрытая белым гормендо. Нарядные женщины; одна несет зажженный чирах, другая – зеркало, третья – кувшин, наполненный родниковой водой. Свет чираха, отражаясь в зеркале, символизирует солнце; вода в кувшине – благополучие, изобилие, недаром горцы говорят, что вода пахнет жизнью.

Когда молодожены остаются одни, муж поднимает легкое покрывало с лица девушки, словно открывает тайны всего мира. Он впервые так близко видит ее смущенное лицо, раскрасневшиеся щеки, тяжелые косы цвета вороньего крыла...

А выход невесты к горному роднику!? Я много раз видела это красивое зрелище, сама участвовала в нем. Подруги невесты все одеты в национальную одежду, на плечах у них сверкающие медные кувшины. На каждом узоре кувшина – лучи восходящего солнца, на крышке – малюсенькие птички. Когда кувшины наполняются и девушки чинно возвращаются в аул, крышки начинают звенеть, словно те медные птички ожили и исполняют симфонию неба и земли, окрыляя сердца любовью к родной земле, к жизни.

Часто молодежь, желая быть в ногу со временем, думает: главное – это внешний вид, модные одежда и прическа, свободные манеры. Именно под этим они понимают культуру. Нет, дорогие, культура – это очень глубокое понятие. И прежде всего – отношение к своим корням, традициям, сохранение накопленных веками общечеловеческих ценностей. А как таинственно, недоступно, загадочно выглядела бы девушка в одежде, которую носили наши женщины, в длинных платьях и белых гормендо...

Настоящей реликвией для нас был полусгоревший фотоальбом,

такие серьги не носил: вытаращив глаза, женщины смотрели на меня, как на сумасшедшую инопланетянку, а когда я приехала к себе домой, в аул, все меня нахваливали, говорили: «Посмотрите, как серьги идут ей! Хотя в Москву поехала, косы не отрезала, без рукавов платья не носит и с головы гормендо не сняла». Пока я была на каникулах, все девушки, мои подруги, откопали из сундуков бабушек серебряные украшения, тастары и гормендо и с гордостью носили это...

*Бьет барабан, –
Я выбегаю в круг,
Иду по кругу мелкими шагами.
Как ласточка обоими крылами,
Шутя владею крылышками рук.
Стучат сердца джигитов молодых,
Следят за мной красавицы ревниво.
А я пляшу легко и горделиво...*

Куда все это делось?! Наши красивые обычаи, чистота наших чувств и помыслов, красота наших поступков? Сколько доброты и участия дарили друг другу люди, сколько заботы! Прекрасный обычай, когда всем селом собирались на работы по постройке дома, заготавливали топливо, носили молоко тем, у кого не было коров! Да разве все перечислишь!

А разве мы не можем возродить полуразрушенные аулы? Взгляните, ведь еще остались те террасы, которые делали наши предки. Они на спине с низин таскали землю, покрывали толстым слоем, чтобы выращивать пшеницу и картошку, чтобы кормить свою семью. А сегодня земли пустуют, тоскуя по сильным трудолюбивым рукам пахаря, садовника. И свет есть, и газ почти во все села провели, и техника, какая хочешь, и специалистов каждый год вузы выпускают. Ведь сегодня все это сделать гораздо легче, чем в те далекие времена, когда все тащили буквально на своем горбу!

Поезжайте в свои аулы в день праздника первой борозды, вдохните запах родной земли, почувствуйте пробуждение природы, поприветствуйте наступившую весну! Уверена – та невидимая пуповина, что связывает каждого из нас с корнями, станет еще крепче. Она потянет – не может не потянуть – к своим истокам, мудрости предков и к вечным, неменяющимся ни в какие времена законам жизни!

который хранили бабушка и прабабушка. С фото на нас смотрели женщины нашего рода – в длинных бархатных и шелковых платьях. На головах тонкие тастары, гормендо, платки с длинными кистями. Эти образы создали мой стиль, а серебряные украшения ручной работы стали моей слабостью.

Когда получила первый гонорар, я купила длинные трехъярусные серьги-колокольчики. Окончив первый курс Литературного института, в них я приехала в Махачкалу. Никто тогда

Когда в своих мыслях я возвращаюсь в детство, а это бывает очень часто, почему-то в первую очередь вспоминаю именно праздник первой борозды...

Вот босыми ногами ступая на мягкую землю, я собираю вывернутые корни для коровы, вот сижу в детском кругу и нам приносят дымящийся хинкал и вареное мясо – этот неповторимый запах я чувствую до сих пор! Праздник завершается песнями и танцами, и вот – я уже в кругу: раскинув руки, как крылья, парю под восхищенными взглядами аульчан...

Я нахожусь в стране любви...

* * *

Я нахожусь в стране любви,
В стране невиданного чуда,
Меня отсюда не зови,
Я не хочу уйти отсюда!

Не знаешь ты, с каким трудом
Страну я эту обретала.
Пленившись лаской и добром,
Ларцом раскрытым сердце стало!

Как прояснились небеса!
Туман рассеялся повсюду.
Иду, слегка прикрыв глаза,
Иду, сама подобна чуду.

Растения на всем пути
Полны высокого призвания.
О, мой любимый, погоди,
Не прерывай очарования!

Перевод Инны Лиснянской

* * *

На вечность ты пришла
Иль на мгновенье,
Закат мне подарила иль зарю,
Ты – сокровенность или откровенье, –
Я все равно тебя благодарю.

Благодарю за то,
Что все возможно
И невозможно совершить уже,
Благодарю за то,
Что так тревожно
И ясно так сейчас в моей душе.

Благодарю
За горькое молчанье
И сладкую бессонницу ночей,
За жгучее в глазах моих сиянье
И за сияние слезы моей.

Тебе навстречу
Простираю руки,
Навстречу неизвестности иду:
Что ты несешь мне – радость или муки?
Что ты сулишь мне – счастье иль беду?

Пусть не взойду с тобою на вершину,
Пусть в небеса с тобой не воспарю,
А в бездну кану
И безвестно сгину,
Я все равно тебя благодарю!

Перевод Инны Лиснянской

БОЛЬ И РАДОСТЬ

Сколько в каждой женщине боли, –
Если боль бы выплеснуть эту
И поставить рядом ее виновника,
Чтобы виден стал
Всему свету, –
Я уверена:
Возле каждой боли,
Ненасытной, мучительной, огневой,
Встать бы пришлось мужчине
С виновато опущенной головой,
Ибо злейших страданий женских
причина
С древних времен –
Мужчина.

Сколько в каждом мужчине радости, –
Если б радость выплеснуть эту
И поставить рядом ее виновницу,
Чтоб видна была
Всему свету, –
Я уверена:
Возле каждой радости,
Лучезарной, солнечной, золотой,
Женщина бы стояла
Со счастливо поднятой головой,
Ибо женщина – радостей лучших
причина,
Это помнить должен
Мужчина.

Перевод Сергея Северцева

* * *

Протяни мне, любимый, ладонь,
На нее положу я огонь,
То есть сердце свое обнажу
И тебе на ладонь положу.

Обнаженное, будет болеть,
Алым пламенем будет гореть,
Но руки твоей не обожжет,
Только звезды во взгляде зажжет.

Только станет свечою твоей
Среди сырых и пасмурных дней,
Только станет горячим крылом
На пути одиноком твоём.

Протяни мне, любимый, ладонь,
На нее положу я огонь,
То есть сердце свое обнажу
И тебе на ладонь положу.

Перевод Инны Лиснянской

Слово Фазу

Когда я уехала учиться в Литинститут, Али и Расул были совсем маленькими. Мне казалось, что я должна выйти за человека сильного, романтического, широкой натуры. Муса Магомедович был человеком, глубоко впитавшим в себя горский уклад жизни, и казался мне несколько приземленным что ли. Но как-то вечером ко мне в общежитие пришли Юсуп Хаппалаев, Ахмедхан Абу-Бакар и другие дагестанские писатели и сказали, что Муса пошел кидаться под поезд после моего очередного отказа. Конечно, это была шутка, но они так убеждали меня, что Муса будет достойным мужем мне, отцом моим детям, что я постепенно стала смотреть на него другими глазами, и в конце концов мы поженились.

Я благодарна Мусе, что он действительно полюбил моих детей, как родных; а когда у нас родились Махач и Джамбулат, он учил их на примере старших сыновей. Говорил, если что: «Али скажу, вот расскажу Расулу, что вы натворили»... Братья выросли очень дружными, и это, в первую очередь, заслуга Мусы...

Я хочу быть слабой

Запомни, мужчина: что женщине дашь ты,
То сам от нее и получишь вскоре.
Любовь – словно эхо: радости каждой
И горю каждому чутко вторит.
Любовь – словно звучное горное эхо
Сердец, перекликающихся друг с другом:
Будешь смеяться – ответит смехом,
Будешь ругаться – услышишь ругань.

Фазу АЛИЕВА

Если бы Бог назначил женщину быть госпожой мужчины, он сотворил бы ее из головы, если бы рабой, то сотворил бы из ноги, но так как он назначил ей быть подругой и равной мужчине, то сотворил ее из ребра.

Аврелий АВГУСТИН

Аллах дал мне многое, поэтому я каждый день говорю: «Алхамдулиллах». Но самый ценный его дар – это терпение. Мой муж Муса часто говорил мне: «Я завидую твоему терпению». А мои невестки передают мне, что сыновья мои часто повторяют: «Вот бы тебе мамино терпение...»

Не знаю, родилась ли в Дагестане женщина, про которую так много говорят, про которую сочинили

столько легенд, на которую вылили такое количество грязи... Как речки начинают свой бег от ручейков, все это начиналось из одного источника и разливалось в толпе.

Главным предметом осуждения была и есть моя прическа. Пятьдесят лет прошло с того времени, как я подняла свои косы, и по сей день эта тема не потеряла своей актуальности.

Ни одному человеку не пришлось в голову сказать, что Фазу раньше

всех увидела цивилизованный мир, Европу и Азию, но неизменна она своему горскому одеянию: не носит платьев без рукавов, всегда, как и ее бабушка, ходит в длинных платьях, летом даже в самую знойную жару не снимает чулок.

Она носит старинные платки и тогда, когда другие, приговаривая, что это «не модно», продают их. Не постриглась под мальчишку, не ходит в парикмахерскую красить волосы разными цветами.

Моя прическа стала вдохновением для «поэтов», о ней сочиняли стихи. Я получала письма, в которых мне давали «ценные советы», как носить свои волосы. Но я не обращала внимания на всю эту словесную возню. Я слышала все, что люди говорили за моей спиной, но ни с кем не разбиралась, помня слова бабушки: «Камни бросают только в плодоносящее дерево».

Но самым замечательным было то, что эти же люди приходили ко мне и твердили, какая я красивая, что такую прическу носят только королевы, и поэтому она так мне подходит, что они великие поклонники моего творчества, что мои многие стихи они знают наизусть...

Я (раз уж возвели в ранг королевы) улыбалась надменно и благодарила за комплименты.

Так же я обходилась и со своим мужем, который любил кричать даже из-за мелочи. Чаще всего предметом распри был письменный стол.

– Где моя тетрадь с записями?

– Не трогала.

– Говорю же каждый день, чтобы не подходили к моему столу. Не надо вытирать пыль. Здесь была еще бумага с записями. Где она?

– Не знаю, Муса, я даже не подходила к столу! – отвечала я с улыбкой и поспешно выходила гулять на площадь.

Тетрадь находили на работе, а листок бумаги с записями в одном из карманов пиджака или пальто...

Когда я возвращалась домой, Муса уже сидел успокоившись:

– Я завидую твоему терпению, – говорил он, вздыхая...

Но однажды я вышла из себя, не знаю, что со мной случилось.

Был воскресный день, я решила приготовить чуду, тогда еще ни один сын не был женат. Для нашей большой семьи их надо было готовить немало.

Рабочий стол Мусы стоял в спальне, он там работал. Только я начала месить тесто, вдруг слышу:

– Фазу, принеси мне крепкий чай с вареньем из абрикосов.

Я кое-как соскребла тесто с рук и налила ему чай.

Только собрала тесто, опять крик:

– Фазу, принеси плед, что-то у меня колени мерзнут.

Вытерла руки, бросила ему плед на колени, пошла крошить творог. Опять слышу:

– Фазу, принеси мне клей, мой высох.

Я молча взяла со своего письменного стола клей и положила перед ним.

Не успела я закончить заготовки для чуду, слышу:

– Фазу, иди закрой здесь форточку.

Окно находилось прямо около его письменного стола, ему надо было только привстать и протянуть руку, а мне нужно было взять стул из кухни, поставить и закрыть форточку. Меня всю внутри начало трясти, терпение мое лопнуло. Я так захлопнула форточку, что стекла разлетелись по всей комнате.

– Нет! Нет! Я больше не могу, я что тебе... – и я в ситцевом халате, в белой косынке на голове и тапочках выбежала из дома, а Муса в спортивной форме – за мной. Я так летела, что он не мог меня догнать. Все встречные смотрели на меня, как на сумасшедшую. В центре площади чьи-то руки меня остановили, это был Магомед Гамзатов, замминистра просвещения, он шел с кем-то на встречу.

– Фазу, что случилось? Куда ты несешься?

– Не могу больше, не хочу! – плачу.

В это время нас догнал Муса. Он поздоровался и очень оригинально объяснил ситуацию:

– Фазу – это вулкан, извержение которого может начаться в любой момент. Она на меня обиделась.

– Фазу, ты же у нас мудрая, мужественная женщина! Иди домой, там и разберитесь. Видишь, все на

вас смотрят! – сказал Магомед Гамзатов, поворачивая меня в обратную сторону.

– Не хочу я быть ни мудрой, ни мужественной, я хочу быть слабой, женщиной хочу быть! – рыдала я.

Но в конце концов Магомеду Гамзатову удалось отправить нас домой...

Да, это было извержение вулкана, когда все внутри копилось, копилось...

Все на мне, начиная с мелочей и кончая большими проблемами, и муж, и дети – чуть что: «Фазу», «мама».

А мне бы хотелось, чтобы я была слабая, чтобы я могла, кладя голову на сильную мужскую грудь, выплакать свое отчаяние, горе. Мне бы хотелось облегчить тяжесть на сердце, когда завистники пьют мою кровь. Я бы хотела вывернуть душу наизнанку, чтобы кто-то, увидев, что там творится, пожалел меня хотя бы на мгновение. А то всю жизнь я и мужественная, я и терпеливая, выносливая, добрая; я всех должна понять, всех должна успокоить. А я хочу быть слабой, я хочу, чтобы кто-то и меня защищал!

Слово о Фазу

Все эти годы творчество Фазу Алиевой развивалось по двум основным направлениям – лирика и военно-патриотическая поэзия. Обе темы объединены общим чувством, самым вечным и самым глубоким, – любовью. Любовь к жизни, к людям, к природе перерастает в любовь к Родине, рождает долг перед родной землей, восхищение ее героическим прошлым, верность лучшим традициям, на которых должны основываться настоящее и будущее.

Книги Фазу Алиевой выходят во всех издательствах Москвы: «Советский писатель», «Советская Россия», «Воениздат», «Художественная литература». Выходят приложениями к журналам «Огонек», «Крокодил», «Дружба народов», «Известия», в издательствах «Детская литература», «Малыш». Тиражи ее книг превосходят в несколько раз численность населения Дагестана.

В 1969 году Фазу Алиевой присваивается звание народной поэтессы Дагестана, и она становится второй, но самой юной народной поэтессой Советского Союза. За роман «Комок земли ветер не унесет» Фазу Алиева удостоена премии Союза писателей СССР и ЦК ВЛКСМ им. Н. Островского. К 60-летию Советской Армии становится лауреатом премии Министерства обороны СССР. За поэму, посвященную герою Советского Союза Ахмеду Абдулмеджидову, «Восемнадцатая весна», получает Государственную премию им. Сулеймана Стальского.

Фазу Алиева относится к немногочисленному разряду художников, которые овладели почти всеми основными жанрами литературы. Она одинаково сильна и самобытна как в лирике, так и в прозе. Истинно народными стали ее романы, в которых отражается все многоцветье, национальный колорит и вековая культура горного края.

Время моё

Как все мелко! Я казню себя, что тратила время на переживания, слушая, кто и что про меня сказал. Если они не понимали этого, то должна была понимать я. Почему я страдала от того, что в чьем-то сердце шипели змеи, а в чьих-то головах вместо мозгов пылилась труха?

Я стою у речки родного аула, она течет, сияя на солнце и разделяя аул пополам. Все дно на виду, сверкая разноцветными камнями, прозрачна вода, как первая любовь.

Время моё, как ты мне сейчас дорого! Ведь жизнь состоит из твоих мгновений, твоих бесценных даров, которыми так щедро ты осыпало меня и которые так часто затмевались чужой тупостью и злобой.

Время моё, я угадала твоё предназначение и сквозь град ударов всё-таки дошла до твоей мудрости: как все мелко перед хрустальной каплей речки родного аула, спешащей к морю, мечтающей об океане и уносящейся в вечность. Время моё, мне дорого каждое твоё мгновение!

Огонь моей души

Самый сильный огонь – это огонь души, он делает человека сильным, мужественным. Гори, гори, моя душа! Столько трудностей мне приходилось преодолевать! Каждая преодоленная трудность делает меня сильной. Как серебрится заржавленное железо от камня, так и я, сталкиваясь с трудностями, становлюсь чище и крепче, чтобы преодолеть следующий барьер.

И в своих преодолениях я поняла – огонь любви гораздо сильнее, чем огонь ненависти тех нищих душ, которые требуют от меня опуститься до их уровня и не прощают моих взлётов. И полёт мой бесконечен, как бесконечны зависть и злость моих противников!

Гори, гори, моя душа, ибо твоё высокое горение – вечный залог моего успеха.

Счастье

Счастье... Пусть скажет мне кто-нибудь, что такое счастье!/? Скажут, но каждый по-своему. Одним счастье – нить жемчуга на шее, а другим – дети, досыта накормленные. А я скажу, что счастья нет. Только избавление от несчастья мы привыкли считать счастьем. Чем люди умнее, мудрее, тем им недоступнее счастье. Плохо тем, кто во всем разбирается, думает над жизнью и ее быстротечностью. Все превращается в прах, все проходит. Но жизнь дана человеку, чтобы жить.

Однажды тяжело заболела моя мать; она и мы, ее дети, мечтали, чтобы она выздоровела и вышла из больницы. Мы провели около неё бессонные ночи. Она выздоровела. О, какие мы с мамой были счастливые! «Ничего не надо, лишь бы ходить на собственных ногах, лишь бы действовали мои руки, Алхамдулиллах», – говорила она, плача от радости.

Я выступала в тюрьме. Молодые, красивые парни подходили: «Лишь бы выйти отсюда, нет большего счастья, чем свобода!» – говорили они.

На улице прекрасная погода, я иду на собственных ногах, любясь золотой осенью, я свободна, ни от кого не зависима. О, как я была бы счастлива, мой сын Али, если бы на миг могла забыть, как ты любил жизнь и что нет тебя сегодня.

Фазу, ты помнишь?

В 1962 году Фазу пришла к нам, в Дагучпедгиз.

...Обычный рабочий день в редакторской. Все, почти все на рабочих местах. Вот заведующий производством своим строгим голосом дает руководящие указания в типографию. Вот лезгинский редактор не соглашается с автором. Автор выходит из себя. Ведь он ночами не спал, когда творил. Нелегко ему согласиться с претензиями редактора. Повышаются голоса.

Вот в другом углу вслух читают что-то. Гул сливается, словно рой пчел. Но ты, Фазу, ничего не слышала. Ты, громко произнося в ритм, поешь то стихи, то прозу. Ты то смеёшься, то слезинки с глаз пускаешь вниз по красным щекам. Тут же добавлю: в первый же день мы тебя за спиной, любя, назвали краснощеккой девушкой.

Помнишь, милая Фазу, как в те далекие годы учебникам и учебно-методической литературе оказывали достойное внимание?

Учебно-педагогическое издательство находилось в подчинении Министерства просвещения, в котором функционировал учебно-методический совет. Тогда в УМС руководителем был Магомед Гамзатович Гамзатов, замминистра просвещения. На УМС обсуждали лакский, аварский и лезгинский учебники для третьих классов.

Я была приглашена как автор учебника лакского языка для третьего класса. Ты – как редактор аварского учебника. Я как автор сообщила о содержании своего учебника и добавила, что его недостатком является несоответствие дагестанскому бытию.

Что учебник является переводным, не способствует ни развитию умственных способностей,

ни патриотическому воспитанию учеников. Что необходимо дать детям в учебниках знания сначала о своем селе, о своем крае, а затем приступить к изучению «большой Родины».

Ученые убедили УМС, что нет для учебников подходящего местного материала и что необходимо также издание детской дагестанской литературы.

Фазу, ты помнишь, сколько раз ты ходила за нужными бумагами то к министру, то к его заму, то к директору института школ? Ходила с документами, которые убеждали правительство в необходимости издания в Дагестане детской художественной литературы.

Моя милая Фазу! Ты из Москвы вернулась окрыленной. И с тех пор до перестройки издавалась детская литература на шести языках Дагестана. Обогатились

наши «Родные речи» местными материалами. Отсюда и патриотическое воспитание, и развитие детского мышления.

Вскоре ты поднялась еще выше, Фазу! С корректора на редактора, оттуда заведующей редакцией по изданию детской художественной литературы...

... В один из жарких летних вечеров у меня дома раздался телефонный звонок. Беру трубку:

– Курзи Мамаевна, Вы простите меня, нужна Ваша помощь!

– Это Муса? Что случилось? Фазу здорова? С детьми все в порядке???

– Да, да, все хорошо! Я по другому вопросу! Мою Фазу переводят на работу в журнал «Женщина Дагестана»...

Из воспоминаний коллеги, писателя Курзи Кажлаевой.

Комок земли ветер не унесет

(Отрывок из романа)

Рано утром, завязав парчовый платок на шею кудрявого барана, – подарок невесте, – из дому вышли Омардада и Халун. Он впереди, она сзади. – Смотри, смотри! – крикнула Хуризадай со своего крыльца соседке. – Халун и Омардада учат нас, с чем надо идти на свадьбу.

– Не завидуй, Хуризадай, этим подаркам! – откликнулась соседка, обозленная тем, что ее не пригласили. – Если тебе дадут пригоршню, ты должна вернуть две. У Тажудина – один сын, а у Омардады – два. Тажудину придется раскошелиться на двух баранов и на два платка!

Единогласно Омардаду избрали тамадой – последние годы другого тамады на свадьбах не знали.

Гости за столом ведут себя по-разному. Один после первого же выпитого рога надувает губы и ищет, к чему бы придраться и кого бы поколотить. Другой никому не позволяет рта открыть, громко выбалтывает свои сердечные тайны десятилетней давности. Третий, подперев подбородок рукой, плавает в волнах грусти и печали. А за столом должны царить мир и веселье! Тамада все видит, все слышит, не забывая произносить задравные тосты.

Омардада следит, как бы где не появилась «трещина», не вспыхнула бы ссора. Осторожно направляет он речку многословия в берега. В сердце загрустившего вливает веселье. Совсем непросто быть тамадой. Он встает с огромным рогом тура, наполненным бузой. По обычаю осушить рог первым должен тамада. За ним – остальные. Все ждут знака тамады, как солдаты приказа командира.

Омардада провозглашает тост за седобородого деда, самого старшего в семье, увидевшего уже четвертое свое поколение, за трудолюбивые щедрые руки его, заложившие фундамент этого дома.

Глоток из рога, взгляд на кипящую бузу – и Омардада, поблуднев, поднимает глаза к потолку, прося помощи у Аллаха. Словно льда коснулись его губы, но не вправе тамада отвести рог ото рта. Незаметно скосив глаза вниз, Омардада еще раз взглянул в полный до краев рог – там плавал мертвый мышонок. Омардада перевел взгляд на землю: «Мать-кормилица, помоги советом!» Но земля, как всегда, хранила мудрое молчание.

Омардада огляделся вокруг – все ждут знака тамады. Если гости узнают, что в бочке, из которой налито это вино, плавал мышонок, как пули, не попавшие в цель, упадут рога на землю. Зря прольется месяцами ожидавшая своего времени буза, погаснет смех. Что

это за свадьба? Тамада не будет тамадой, если он не придумает, как поступить. Недаром народ говорит: «Тамада, если надо, даже дерево с ветвями проглотит». Мгновенья летели. Омардада, зажмурив глаза, осушил рог и перевернул его, чтобы показать – на дне не осталось ни капли.

«Порой даже Аллах не ведаёт, что знают губы», – вспоминая этот случай, говорил он мне потом.

– Тамада молодец!

– Будь здоров и счастлив! – кричали гости, не подозревая, какую жертву принес тамада ради общего блага.

Кипящая буза вновь наполнила опустевший рог тамады. Первая пара закружилась в лихой лезгинке. Я потихоньку наблюдала за взрослыми. Мама не могла оставаться здесь долго – она кормила Магомед-Жавгара, а мне сказала, чтобы я, когда праздник кончится, пошла ночевать к Омардаде.

Изрядно опьяневшего Омардаду Халун с трудом тащила домой. Я молча шла сзади.

– Что с тобой сегодня? – ворчала Халун на мужа. – Люди осудят: тамада напился до потери сознания.

– Я пьян? И ты говоришь, что я много выпил? – обижался Омардада, вырываясь из рук жены.

– Да что ты! Я молчу. Ты совсем трезвый. Только идем скорее домой – время позднее!

– А... Раз ты думаешь, что я пьяный, сейчас полезу на вершину горы... – бушевал Омардада.

– Ну кто тебе говорит, что ты пьяный? Выпил немного... Пойдем домой!

– Ты пойми... Я все помню и даже, отдавая душу Азраилу, буду помнить, как она плавала в пене.

– Кто это она? Где плавала? – рассердилась Халун. – Я понимаю, почему ты хочешь один куда-то идти. К кому тебя тянет?

– Не надо ревновать, дорогая Халун! Я ее проглотил! И никогда не забуду...

– Кого это ты не можешь забыть?

– Да я же ее проглотил, проглотил, но это секрет!

– Ну, Омардада, и на рваное платье найдется лоскут. Не сошелся на тебе свет клином. Я все прощала... Признавайся во всем до конца, иначе в дом тебя не пущу. Постыдился бы своих сыновей. – Халун захлопнула ворота перед носом мужа. – Иди к той, о которой ты в пьяном виде вспоминаешь! – крикнула она уже со двора.

Омардада растерянный стоял у ворот, и мне стало жалко его. За что же тетя Халун не пускает Омардаду домой?

– Пойдем к нам ночевать, – предложила я ласково.

– Видишь, Патимат, до чего дело дошло! – Омардада явно искал у меня поддержки. – Завтра поеду в район и объявлю, что пора закрывать женотделы! Жены будут скоро гнать нас из аула. На каждом собрании только и слышно: «Женщину надо любить, женщину надо уважать, женщину надо на руках носить. А к чему это привело? Они сели нам на голову...» – говорил Омардада, входя к нам в дом. Мама удивилась, увидев нас.

Омардада хитро улыбнулся.

– Если явится моя старуха, скажи, что меня здесь нет. Парихан, уверяю тебя, сейчас будет веселее, чем на свадьбе.

Мама напоила Омардаду крепким чаем.

Услышав поспешно приближающиеся шаги, Омардада спрятался в папиной комнате – так мы называли спальню родителей. В дверь ворвалась возбужденная Халун. Я ее никогда такой не видела. Она была бледна, как мел, глаза стали большими и блестящими. На мгновение она задержалась у двери, обведя комнату гневным взглядом, сорвала с головы платок и бросила его на стол.

– Вот, Парихан! Ты меня все утешаешь, – заговорила она громко. – Смеешься – болтовня, сплетни! Сегодня он сам признался, что не забудет ее никогда! Она в какой-то пене плавала. Нет, это ему даром не пройдет! Халун не та, что была в первые годы... Я и ему, и ей покажу...

– Халун, неужели ты не привыкла к шуткам своего Омардады?..

– Ты и теперь защищаешь его, Парихан! Он сам признался! Я-то думала, что крепко держу уздечку своего коня! Оказывается, она в руках у другой. – Халун схватила платок, накинула его на голову. – Завтра подаю на развод! Не желаю от него зависеть! В колхозе работы сколько хочешь. Слава Аллаху, я здорова и тружусь за троих. А сейчас я их найду и опозорю на весь аул. Пусть потом не меня, а его обвиняют!

– погоди, Халун, не спеши! Может, он вокруг дома ходит или в поле гуляет. Оклеветешь зря мужа. – Мама повысила голос, давая знать Омардаде, что дело заходит далеко.

– Глубоко море, но не бездонно! У самой высокой горы есть вершина! Хватит, моему терпению пришел конец!..

Дверь папиной комнаты отворилась, на пороге, потягиваясь, появился Омардада.

– Что за шум? – спросил он, зевая. – Поспать не дают спокойно. Меня разбудили, сейчас Магомед-Жавгар проснется! А, это ты, моя красавица! – Омардада подходил все ближе к Халун.

– Ты что думаешь, я за тобой пришла? У меня к Парихан дело есть, – сказала Халун совершенно спокойно.

– Ну, я понимаю, ты среди ночи забежала попросить соли или спичек... Идем, дорогая, домой, всем пора спать!

– Я же говорю тебе, что не за тобой пришла, – поворачиваясь к двери, высокомерно заявила Халун.

– Это я за тобой пришел, я! – Омардада взял жену за руку. – Это я тебя ревную к пене в кубке. И буду держать крепко, не вырывайся, чтобы ты не смогла потребовать развода. – Он засмеялся, обнимая уже улыбающуюся Халун.

Дверь за супругами закрылась и открылась снова. Омардада просунул голову.

– Парихан, а Парихан, у вас есть мыши?

– По-моему, нет на земле места, где бы они не жились, – ответила мама.

– А я вот очень не люблю мышей, – с этими словами Омардада захлопнул дверь.

Мама пожала плечами и отправила меня спать. Лишь спустя несколько лет Омардада рассказал мне про мышонка в кубке.

Фазу ни на кого не похожа!

Я помню Фазу, когда, будучи совсем молодым учителем, в 1940 году приехал преподавать в Аранинскую среднюю школу. Она училась в первом классе и уже тогда заметно выделялась среди сверстниц – писала стихи. Одно время Фазу даже жила в нашем доме. Мы – родственники. Затем я уехал в Махачкалу, Москву и потерял ее из виду. И уже когда приехал в Цада молодым председателем Союза писателей Дагестана, увидел перед собой светящуюся поэзией молодую женщину. Мы отправили ее учиться в Литературный институт, откуда и началось стремительное восхождение Фазу Алиевой в большую поэзию. Сегодня творчество поэтессы занимает достойное место не только в литературе Дагестана.

Фазу – труженица. Юсуп Хаппалаев, народный поэт Дагестана, рассказывал мне, что уже в пять утра он просыпался от стука пишущей машинки своей соседки Фазу Алиевой. Ею написано огромное количество стихов, поэм, прозаических произведений. Источник ее поэзии – Дагестан, родной аул, люди, живущие на этой земле. Раскрывая внутренний мир горцев, своих соотечественников, Фазу Алиева высвечивает лучшие черты своего народа – его цельность, мужественность, мудрость, немногословие, умение любить – при внешней суровости и жесткости уклада жизни, природы, адатов – преданно и на всю жизнь. Она все время рядом со своими героями – эмоционально, живо, искренне и с огромной любовью и теплом. Тема Родины – это не просто тема ее творчества, это проблема. Следование ей – мерило гражданственности творческой личности, показатель отношения к родному очагу.

Герои поэм, стихов, прозы Фазу Алиевой не схематичные персонажи, а живые люди, выхваченные

из сегодняшнего дня. Поэт-лирик, поэт-трибун, она всегда в центре общественной жизни республики. Я часто слышу: «Когда Фазу успевает так много писать и одновременно так активно участвовать в самых разнообразных акциях, проводимых в республике, ездить по Дагестану?»

Я высоко ценю ее трудолюбие и не могу назвать более плодотворного поэта, чем Фазу. Уверен, что только такая неутомимость, энергетика, обаяние, умение захватить аудиторию талантом, страстностью своего творчества, силой духа позволяют Фазу Алиевой идти по жизни с гордо поднятой головой, трудиться с юношеским задором.

Однажды я сказал в одном из своих выступлений, что Фазу ни на кого не похожа, – только на себя! Это действительно так. Она индивидуальна во всем: в творчестве, жизни. Знаю, что со дня, как она возглавляет журнал «Женщина Дагестана», а это произошло более тридцати лет назад, издание вошло в ряд лучшей периодики Дагестана. Редактор Фазу Алиева собрала коллектив профессионалов, знающих и любящих свое дело, сделав журнал «Женщина Дагестана» проводником забот, чаяний, проблем женщин.

Для творческого человека очень важно быть понятым – читателем, друзьями, преданными и откровенными. Доброе слово, участие дают толчок вдохновению, желанию творить. Я знаю Фазу как преданного друга. Но самый большой ее друг – это поэзия. Желая ей, как и себе, оставаться верной поэзии. И творить – пока мы живы.

Расул ГАМЗАТОВ

«Женщина Дагестана» — МОЯ СУДЬБА

В 1971 году мне предложили стать главным редактором журнала «Женщина Дагестана». Тогда журнал издавался на шести дагестанских языках: аварском, лезгинском, лакском, табасаранском, кумыкском, даргинском.

Главным редактором журнала до меня была Патимат Муртузалиева, которая стала секретарем горкома. Меня пригласили на ее место. Мои родные — и муж, и мать, и брат — категорически не советовали и даже запрещали мне идти на работу в журнал, спрашивали, зачем тебе это. Я и сама колебалась и даже отказалась от этого предложения дважды. В третий раз Ш. А. Исмаилов, бывший тогда секретарем обкома по идеологии, отвел меня для решения этого вопроса прямо к М.-С. И. Умаханову. Тот сказал: «Соглашайтесь, Фазу, мы создадим Вам хорошие условия для работы, поможем во всем: дадим новую мебель и даже машину для редакции. От Вас же требуется поднять журнал на должный уровень». Я не могла отказать человеку, который верил в меня и в то, что я справлюсь. И несмотря на все отговоры окружающих, я согласилась возглавить журнал...

... Я была самой молодой в коллективе, который мне пришлось возглавить. Кроме того, в составе редакции работали два бывших главных редактора, а это налагало на меня особую ответственность.

М.-С. И. Умаханов предлагал мне даже перевести этих женщин на другую работу, беспокоясь о возможной враждебности и палках в мои «колеса». Но я не согласилась. Зачем выбирать самые легкие пути? Я никогда так не поступала.

В штате редакции работали очень опытные журналисты и писатели, уже имевшие имя и изданные книги. Конечно, поначалу коллектив встретил меня настороженно, я не могла не заметить неприязни новых коллег. Не могла не увидеть и непростую атмосферу, сложившуюся в редакции. Коллектива — цельного, дружного, способного работать сообща и выполнять общие задачи, — не было, были отдельные творческие люди, и

каждый был сам по себе. Были и такие, которые не разговаривали друг с другом, плели интриги и сплетни. Но были и те, которые не участвовали в этом, а всецело занимались творчеством. Но атмосфера в редакции была напряженной... Повторяю, я никогда не искала легких выходов из положения. И за 38 лет работы в журнале ни одного сотрудника не уволила, хотя, как в каждом коллективе, и у нас всякое бывало.

Уже через год после того, как я стала главным редактором, я с помощью одного из знакомых по Литинституту попала на прием к члену Политбюро ЦК КПСС, тогдашнему главному идеологу страны Сулову, объяснила ему, что в республике много русскоязычных и нам просто необходимо иметь журнал и на русском языке. Спасибо ему, он поддержал мою инициативу, и журнал стал выходить еще и на русском языке.

– Я хотела, чтобы журнал не просто развлекал женщин и был для них интересным чтивом на разные темы, но помогал по жизни в самых разных ситуациях, воспитывал на лучших примерах. Чтобы не просто рассказывал сказки и красивые истории о любви, давал рецепты кулинарных блюд и советы по крою и шитью (так многие воспринимали в то время женские издания). Я хотела, чтобы журнал учил жить, вмешивался в проблемы женщин с тем, чтобы помочь, защитить, уберечь, прояснить им то, что сложно.

Сейчас в это трудно поверить, но тираж журнала был 130 тысяч экземпляров. Мне тогда позвонил министр печати со словами: «Что Вы делаете? У меня бумаги не хватает на печать для Вашего журнала!»

Это были другие времена, всем республиканским изданиям помогали обком и парткомы на всех уровнях. Но у нас к тому же и сами женщины, любившие журнал, подписывались на него массово. Любая сельская женщина могла найти в этом журнале то, что ей интересно: и секреты домоводства и воспитания детей, и истории любви, жизни и карьеры своих современниц, и, что самое главное, могла прочитать это на своем родном языке...

Это самые лучшие годы моей жизни, самые счастливые, самые созидательные, добрые и значимые. Я уже как-то сказала в одном из интервью: «Женский журнал – это не просто веха в моей трудовой биографии, это моя судьба. Трудная, но счастливая судьба».

Слово Фазу

ПРОВОЖАЯ СЫНА В АРМИЮ

Сегодня собралась у нас родня,
Сегодня вест в доме у меня
И мужеством, и славой. Сын мой старший –
Вот кто герой сегодняшнего дня.
Мой старший сын... А остальные трое
И вправду видят в нем сейчас героя,
У нас в семье большое торжество:
Мы провожаем в армию его.
Андийской буркой молодые плечи
Ему закутал с гордостью отец,
И зорко смотрит сын, как воин перед сечей, –
Ну чем не истый горский удалец!
И все же, сын мой, дать тебе хочу
Наказ мой материнский на прощанье:
Ты вырос, бурка стала по плечу,
Но помни наших дедов завещанье:
Не бурка украшает удалца –
Отвага возвышает храбреца.
Да, горцем сделают тебя, сынок,
Не бурка, не косматая папаха,
А сердце жаркое, не знающее страха,
Звенящее, как боевой клинок.
Мой первенец! Еще хочу сказать:
Пусть ты гордишься с самого начала
Не блеском своего старинного кинжала,
Чьи ножны – в серебре, в узорах рукоять, –
Блистаньем храбрости своей гордишься!
А храбрость доказать еще ты должен.
Сдружиться надо с бурями – сдружись,
Сразиться надо с недругом – сразись,
Решиться на бессмертие – решишь
И славу рода нашего продолжи!
Взгляни: с тебя недаром в этот час
Три младших брата не спускают глаз.
Пусть тебе они при встрече скажут:
– Отныне ты примером стал для нас!
Пусть мой муж – седой родитель твой,
Что воевал с фашистами когда-то,
Тебя обнимет, как солдат солдата,
В день возвращенья твоего домой.
Счастливым путь! Гордись высоким правом
Хранить страны святые рубежи,
По любящей груди родной державы
Тропинку верности ты проложи.
Стань зорким, чистым, как живое пламя,
Превыше жизни Родину любя.
В счастливый путь! – И с этими словами
Я провожаю в армию тебя.

Перевод Сергея Северцева

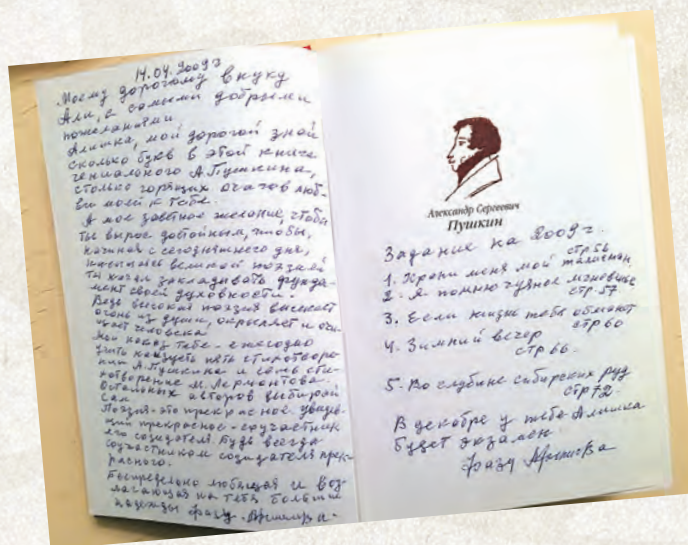
Фазу-мама —

Она не была бабушкой в традиционном понимании этого слова. Мы и не называли ее бабушкой, она была для нас Фазу-мама. Фазу-мама – это всегда праздник, красивый, фееричный, лучезарный...

Помню свой День рождения в младшем школьном возрасте. Родители были в отъезде, и вдруг в школе появляется Фазу с большим тортом с белыми лебедями. Это был восторг! Среди шумного дня, наполненного делами, встречами, мероприятиями, она нашла время, чтобы меня порадовать...

Чем старше становилась я, тем шире и интереснее становилось наше общение. Мы могли обсуждать тенденции в моде, планируемые покупки, ей нравились модные стильные вещи. Она любила украшения, и эта любовь передалась мне на генетическом уровне.

это всегда праздник

Как-то она подарила мне объемный кулон, а я попросила ювелиров разрезать его, и получились эффектные серьги.

Фазу была в восторге: «Тебе удалось превзойти саму Фазу Алиеву!» – смеялась она. И это была высшая похвала.

Позже, когда у меня появились дети, она очень тепло и с большой любовью относилась к ним. Она никогда не забывала о днях рождения детей и, несмотря на свою занятость, находила время, чтобы лично поздравить именинника. Когда она уже не могла выходить из дома, она приглашала именинника к себе, чтобы обнять, дать наставления и вручить памятный подарок. Эти трогательные моменты навсегда сохранились в памяти детей.

Моих детей она называла внуками – слово правнук как-то не вязалось с красивой статной женщиной с детской задорной искринкой в глазах. Обратите внимание, эту искринку она сохранила до последних дней. Даже во время болезни мы, общаясь с ней, замечали, что, говоря о русской литературе, о своих любимых поэтах и писателях, она преображалась.

Болезнь отступала, и перед нами снова была Фазу-мама, с безграничной любовью открывающая нам мир великой русской литературы. Мы выбирали произведение для прочтения и после обсуждали прочитанное.

Иногда мое мнение расходилось с общепризнанным, и было особенно приятно, когда Фазу поддерживала мою точку зрения. Эти литературные беседы навсегда заразили нас любовью к чтению, к осмыслению прочитанного. Мало прочитать, над каждой строчкой надо думать, говорила Фазу.

Моего сына Али, который носит имя моего отца, первенца Фазу, она выделяла. Он был активным, шустрым ребенком. И на все его шалости она смотрела с умилением, обожани-

С правнуком Али

ем, безусловной любовью и повторяла: «Прирожденный интеллигент!»

Но и к нему она была требовательна. Подарив ему книгу избранных сочинений Пушкина, Лермонтова, Есенина, она отметила произведения для заучивания наизусть, назначив дату экзамена. Экзамен состоялся, и она была очень

рада, что ее любимец с успехом справился с заданием.

Позже любимый сборник стихов Тютчева она с трогательными словами любви и личным автографом подарила Али. Это был очень ценный подарок.

Мне очень не хватает Фазу-мамы. И после ее ухода я стала чаще обращаться к ее творчеству, стараясь найти ответы на свои вопросы и зарядиться ее теплом.

Говорят, что наши предки, уходя в мир иной, становятся крыльями у нас за спиной. Я горжусь, что благодаря моим предкам у меня красивые, яркие, крепкие и достойные крылья. Но этими крыльями по праву может гордиться каждый читатель Фазу Гамзатовны, который, обращаясь к ее творчеству, найдет ответы на многие вопросы, найдет поддержку и безграничную мудрость.

В год 90-летия со дня рождения Фазу Гамзатовны в республике и за ее пределами проводится множество мероприятий, на которых дети, подрастающее поколение прекрасно читают ее стихи на аварском и на русском языках.

Человек жив, пока живо его творчество, пока жива память о нем...

Хаписат КИЧИЕВА

С сыновьями и внучкой Хаписат

Слово Фазу

Алик учился в Москве, но мы часто виделись с ним: куда бы я ни ездила – все пути пролегали через Москву. Честно говоря, я ничего не знала об институте, в котором учился сын. На все мои вопросы, касающиеся учебы, он всегда отвечал: «Все нормально, мама». Однажды вечером он пришел ко мне в гостиницу; был какой-то задумчивый, не мог усидеть на одном месте, часто вскакивал, ходил из угла в угол.

– Алик, что с тобой, какие-нибудь неприятности? – не выдержав, спросила я.

– Нет. Не знаю, как тебе сказать. Боюсь, что ты очень огорчишься.

– Скажи, Алик, а то у меня от твоего вида уже пролетела молния через сердце!

– Я еду в Афганистан!

– Ты что, Алик?! – вскрикнула я.

– Да. Я это давно решил, просто не знал, как тебе сказать. Моя учеба в Москве была акцентирована на подготовку в Афганистан. Мы специально изучали язык фарси, дарил... Мама, прошу тебя, не вмешивайся, я должен быть там!

– Я и не думаю вмешиваться, – как можно спокойнее ответила я, – ты чекист, и в твои дела, по-моему, невозможно вмешиваться. Но ты сейчас меня бросил в горящий костер. И до тех пор, пока ты не вернешься домой, я буду жариться в этом огне, – все-таки я не выдержала и расплакалась.

Скоре я узнала, что Алика отправили в Джелалабад, на границу с Пакистаном. В письмах он успокаивал меня, говорил, что у него все в порядке. Однажды мне позвонили из Москвы и спросили моего согласия на включение в делегацию писателей, отправляющихся в Афганистан для выступления перед воинами-интернационалистами. Конечно, я согласилась с огромной радостью! Тогда я даже не обмолвилась о том, что там находится мой сын Али. Программа наших выступлений была очень напряженной: с утра до вечера полеты, выступления. Самыми трогательными были встречи с нашими земляками-дагестанцами. Мы выступали в пещерах, больницах. Как радовались встрече с нами наши ребята! «Вы привезли частичку Родины! С Вами мы чувствуем себя, как будто рядом с мамой!» – обнимая меня, говорили они. Наконец я решилась сказать, что мой сын тоже находится здесь.

Генерал стрелковой армии написал фамилию, имя и место нахождения моего сына. Утром следующего дня Алик был уже со мной. Всего сутки длилась наша встреча, и Алик вернулся на место своей службы.

По возвращении меня пригласили на телевидение, чтобы я рассказала о поездке и упомянула всех наших дорогих земляков, с которыми я встречалась в Афганистане. Передача шла в записи, но ее целый месяц не пропускали в эфир. Когда я, обеспокоенная, поинтересовалась, в чем задержка, оказалось, что ее изучает Главная военная прокуратура в Ростове. Я была очень расстроена, но никто, кроме Аллаха, не мог мне запретить писать стихи о мужестве наших мальчиков в чуждой стране.

Голубь мира

В 1971 году Фазу Алиева была избрана Председателем Дагестанского комитета защиты мира и отделения Советского фонда мира, которые она возглавляла более четверти века. Кроме того, она становится членом Всемирного совета мира.

Выбор этот оказался максимально правильным и истинно миролюбивым. С делегациями Советского комитета защиты мира, Всемирного совета мира Фазу Алиева побывала трижды в США, дважды в Англии, дважды во Франции, Австралии, Бразилии, Аргентине, Малайзии, Сингапуре, дважды в Индии, трижды в Китае, Бельгии, Голландии, Швейцарии, во Вьетнаме.

По просьбе Министерства обороны ездила она в Германию, Чехословакию, в Польшу, Венгрию, Монголию. Фазу Алиева выступала во многих частях и военных училищах Советского Союза; дважды – в Кантемировской дивизии, дважды – в Таманской.

Выступая на многотысячных митингах, Фазу Алиева достойно представляла свою Родину. Ее личная биография становится иллюстрацией того, что в Советском Союзе, наряду с русской культурой, развиваются культуры национальные.

«Да, действительно, я объездила почти весь мир, не была только в Африке. Встречалась со знаменитыми личностями, побывала в Белом доме, в мэриях многих крупных городов. И везде меня принимали как экзотический фрукт. Их удивляло, что я, простая горянка из маленького аула, владела многолюдной аудиторией и четко отвечала на все вопросы», – вспоминала Фазу Гамзатовна...

Первой поездкой за рубеж была поездка на Дни российской культуры в Польше в 1967 году от СП СССР...

Больше всего духовной пищи я получила во время поездок в Австралию, Бразилию, Аргентину. Совершенно другой мир, другой менталитет, и все же и там было что-то близкое моей душе. Но потряс меня Китай, его самобытность во всем: в культуре, искусстве, архитектуре. Очень трепетное отношение к старине, каждая мелочь – произведение искусства. Даже странно, откуда сегодня столько китайского ширпотреба на рынках! А народ – трудолюбивый, дисциплинированный. Если бы мне из 100 стран предложили выбрать сегодня страну для поездки, я бы выбрала Китай, из 10 – тоже Китай, и единственная страна, куда бы я поехала снова, – Китай...»

«Я получила тогда две золотые медали Советского фонда мира, медаль Советского комитета защиты мира и юбилейную медаль Всемирного совета мира. Я очень горжусь этими наградами. Тогда я получила и мировую известность, мной заинтересовались, стали переводить мои произведения на разные языки мира», – рассказывала Фазу Алиева.

Фазу Алиева стала участницей крупнейших международных форумов борцов за мир. Впоследствии она отметит важность своей деятельности:

«У каждого человека есть пост номер один, во имя которого он живет и трудится. Для меня пост номер один – это вахта мира, служба своей Отчизне».

Голубем мира, вопреки уговорам и предостережениям, в самый разгар боевых действий летит Фазу Алиева в Афганистан. 16 дней проводит она на передовой, перемещаясь из одной части в другую. Работникам безопасности, которые пытаются ее удержать, возражает: «Я ведь сюда приехала не для того, чтобы прятаться в гостинице. Я приехала к нашим сыновьям». Теплым материнским словом, личной самоотверженностью, надеждой на скорое прекращение военных событий не единожды спасала Фазу Алиева израненные души молодых солдат.

Слово о Фазу

Было это в декабре 1987 года, в Ленинграде. Поздно вечером, вернувшись в гостиницу «Пулковская», мы с женой пошли поужинать в кафетерий на этаже. Я взял два бокала вина и предложил выпить за Фазу – был день ее рождения. Сидевшие за соседним столиком двое молодых мужчин встали. Один из них, извинившись, спросил, не ослышался ли он, что прозвучало имя Фазу Алиевой. Я подтвердил, и вот что он рассказал.

В подразделение, где он служил в Афганистане, приехала Фазу. Офицеры собрались в столовой послушать человека с Родины, тем более поэтессу, мать одного из их товарищей.

– Я только что вернулся с задания, устал и собирался лечь спать, но, когда узнал, что приехала мама Али, быстро переоделся и вышел из палатки на встречу с ней. Как только я вышел, откуда-то прилетел снаряд и разорвался на месте моей кровати. Так что Фазу Алиева в буквальном смысле слова спасла мне жизнь...

Сулейман ХАППАЛАЕВ

Награды

Орден Святого апостола Андрея Первозванного (2002) – за выдающийся вклад в развитие отечественной литературы и высокую гражданскую позицию

Орден «За заслуги перед Отечеством» III степени (2015) – за заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, средств массовой информации и многолетнюю плодотворную деятельность

Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (1998) – за заслуги в области культуры и печати, многолетнюю плодотворную работу

Орден Дружбы народов (1983) – за заслуги в развитии советской литературы

Орден Дружбы народов (1994) – за заслуги в развитии национальной литературы и активную общественную деятельность

Два ордена «Знак Почета» (1960, 1971)

Золотая медаль Советского фонда мира

Медаль «Борцу за мир» Советского комитета защиты мира

Юбилейная медаль Всемирного Совета мира

Народный поэт Дагестанской АССР (1969)

Государственная премия Республики Дагестан в области литературы за книгу стихов «Вечный огонь» (2007)

Орден «За заслуги перед Республикой Дагестан» № 1 (2009)

Премия Союза журналистов России «Золотое перо России» (2004)

Память

Памятник Фазу Алиевой в сквере Дружбы в Махачкале (открыт 11 декабря 2017 года)

Произведения Фазу Алиевой переведены на более чем 70 языков народов мира.

Именем Фазу Алиевой в Дагестане названы школы, библиотеки, городской сквер.

Почтовая марка с изображением Фазу Алиевой в рамках серии «Кавалеры ордена Святого апостола Андрея Первозванного» (выпущена 29 августа 2017 года)

Слово Фазу

В 1994 году меня избрали председателем Союза женщин Дагестана. Хотя работа с женщинами началась уже с первых дней прихода в редакцию журнала. Как главный редактор я ставлю работу с письмами и заявлениями читателей во главу угла, поэтому курирую ее сама. Прошу, чтобы коллектив относился ко всем заявлениям предельно внимательно. А сколько устных обращений!

...Очень часто приходят женщины, заявляя: «Просто хотелось обо всем рассказать, поделиться и послушать, что Вы посоветуете в моей ситуации». И начинается длинное повествование, рассказ о биографии с начала рождения. Таких я стараюсь деликатно направить в нужное русло и подвести их к сути проблемы...

Такие исповеди я выслушиваю каждый день, вместе с ними плачу, негодую, возмущаюсь, словом, сопереживаю так, что к концу дня чувствую себя как выжатый лимон.

Поражаюсь неискушенности наших женщин в семейных вопросах, часто просто-напросто учих, как надо строить отношения в семье, добиваться взаимопонимания.

К сожалению, у многих современных женщин начисто отсутствует терпение, то сабру, на котором зиждется любая человеческая общность. Да, в них много положительного, они мобильнее, проще смотрят на многие условности, внутренне раскрепощены и очень самостоятельны.

Символ Дагестана!

Юбилей Фазу... Трудно представить, что мы отмечаем ее 90-летие. Ее образ вне времени, вне пространства. И со временем, то отдаляясь, то приближаясь, обретает новые краски, новое звучание – все то, что свойственно классикам. Понятное и тем, кто жил с ними в одно время, и тем, кто через века найдет в ее творчестве то, что близко, что трогает душу и сердце...

Не случайно именно Фазу Гамзатовна в свое время возглавила Союз женщин республики. Работа эта – сложная, непростая – отнимала у нее немало времени. Но она никогда не считалась с этим, не сетовала на тяжелую ношу, помогая женщинам, которые приходили к ней со своей болью, – разуверившиеся, потерявшие надежду.

Женские вопросы непростые, иной раз очень личные, когда только женщина может понять женщину. И Фазу, переживая чужую боль как свою, делала невозможное, защищая права горянки.

Я часто думаю о том, как бы она сегодня отнеслась к деятельности республиканского Союза женщин. И мне это очень помогает, ведь есть на кого равняться, с кого брать пример, к кому мысленно обращаться.

Я вспоминаю далекий 99-й, когда в республике в результате нападения международных бандформирований были созданы отряды народного ополчения.

А в селах, где шли тяжелые бои с террористами, дагестанские женщины, матери проявляли свои самые лучшие качества, провожая российских солдат в бой с молитвой на устах, проявляя настоящее мужество и находясь на самых опасных участках, где было страшно даже видавшим виды мужчинам.

Женщина 4/2018 Дагестана

Нашими предками самостоятельность женщин всегда порицалась, ибо считалось, что матери, дочери, сестры, жены должны быть защищены их главными мужчинами. Это придавало женщине чувство достоинства, уверенности в себе, наконец, покоя и счастья, так необходимые матери, ибо только счастливая мать может родить счастливых и здоровых детей!

Многие современные женщины, особенно те, кто приобрел финансовую независимость, стараются внести свой диктат в семью. Критически оценивают поступки мужа, он их начинает раздражать.

И вот тогда мне предстоит долгая беседа, так сказать «промывание мозгов». Результатом такой работы я остаюсь, как правило, довольна.

Много заявительниц, которые не знают, как действовать. «У меня нет жилья, семья многодетная, муж не работает, не знаю, что делать, куда обратиться», – подобные заявления составляют львиную долю нашей работы. Обращаются за помощью ветераны войны, инвалиды, часто просят помочь устроить детей в дошкольные учреждения, получить кредит на жилье, бывают коллективные заявления.

Это ежедневная и кропотливая работа, требующая от нас немало сил и энергии. Невнимание и отсутствие чуткости тех, кто по долгу своей работы обязан служить людям, порождает нескончаемый поток обращений...

Мы всячески стараемся особой заботой окружить социально незащищенных женщин – престарелых, пенсионерок, одиноких матерей, сирот, инвалидов. Говорить об этой работе я могу долго и пространно...

Тогда я, ответсекретарь республиканской госкомиссии по демографии, вопросам женщин, семьи, Фазу Алиева, представлявшая республиканский Союз женщин, Такибат Махмудова, Госсекретарь РД, Хури Пирсаидова, председатель Комитета солдатских матерей, летали в самые горячие точки. Могли ли мы погибнуть? Могли, но главным для нас в те трудные для республики дни было поддержать российских солдат, дать материнский наказ дагестанским ополченцам, сказать слова поддержки женщинам, поддерживающим своих мужчин, и тем новобранцам, для которых эти события были не локальным конфликтом, а войной, кровавой и беспощадной...

Для меня это настоящая школа женской солидарности, того, как должен взаимодействовать женский актив республики, ориентируясь на таких женщин, которых не только знают, уважают, ценят в республике, но которые не боятся никаких трудностей.

Важно отметить, что Фазу Гамзатовна в своей общественной деятельности руководствовалась тем, что актив должен работать в одной связке с женсоветами, как это происходит и сейчас...

Мне трудно оценить ее вклад в женское движение, столь обширен был спектр ее деятельности. Она могла не только увлечь женщин республики новыми идеями, возможностью превратить свое село, район, город в центр культурной, экономической жизни, но обрести ту женскую силу, что горы могла свернуть, сделать жизнь вокруг лучше, наполнить ее особым смыслом...

Пусть не покажутся громкими эти слова, но если бы миром управляли такие женщины, как Фазу Алиева, то вокруг бы царили спокойствие и стабильность, изобилие и уверенность в завтрашнем дне!

Интизар МАМУТАЕВА, председатель Союза женщин РД

Любовь – над бурей поднятый маяк.
Не меркнущий во мраке и тумане,
Любовь – звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

ШЕКСПИР

Любой судьбе любовь даёт отпор

Из всех прекрасных чувств, присущих человеку, самым сильным является любовь. Любовь, воспетая веками, но не понятая никем до конца. Ни один гений, философ, поэт не может сказать, почему человеку нужен именно этот, а не другой или другая.

Есть такая легенда. Выгоняя Еву и Адама из рая, Аллах велел собрать все яблоки с деревьев, порубить их пополам, смешать и разбросать по всему миру. «Теперь ищите свою половину», – провозгласил Всевышний. Поэтому говорят, что лишь раз в тысячелетие встречается настоящая любовь – так редко соединяются половинки! И, скажем прямо, любить по-настоящему – это тоже талант, данный Богом.

Не все способны всю жизнь нести солнце в груди. Для любви нужны большое мужество и верность, трус не способен на любовь. Она – удел гордых, чистых людей. Человек, предающий любовь, способен предать и Родину. Я в этом нисколько не сомневаюсь. Только сильные мужчины могут преданно любить, быть нежными, в них сочетаются кремень мужества и фиалка нежности...

*Мир в темноту еще был погружен,
А звезды эти жеплыли...
Был самый первый костер разожжен,
Не было хижин, не было жен, -
Были женщины. Их любили.
Любили дремучим сердцем своим
грубо и непорочно.
Глухой безымянной тоской по ним
томились денно и ночью.
Неискушенных детей земли
весна лишала покоя,
только понять они не могли -
что же это такое?*

*.....
А загадка так и не решена,
до сих пор не найдут ответа,
почему вот эта тебе нужна?
Не та, а именно эта!*

В. Тушнова

Я училась на первом курсе, когда впервые познакомилась с этими стихами Вероники Тушновой. И так глубоко они запали мне в душу, что и сегодня с прежней остротой отзываются в моем сердце.

Любовь чудотворна! Если меч в руках безумца может обратить в пустыню шар земной, то женщина, вооруженная любовью, может вновь его возродить. Только любовью держится и движется жизнь. Любовь – самое емкое слово: любовь женщины и мужчины – лишь одна из ее граней. Любовь родителей и детей, любовь друзей друг к другу, любовь к жизни... И все это вливается в общее русло любви людей к своей земле, к своей Родине.

Эта любовь подтверждена историей. Ради этой любви на алтарь кладут все. Силой высокой любви люди становятся бессмертными. Махмуд из Кахаб-росо посвятил свою жизнь воспеванию Муи, и образы их, лучезарные, чистые, светлые под лазурными цветами поэзии, – в наших сердцах.

Легендарный Спартак – вождь гладиаторов, плакал от любви, положив голову на ладони своей Валерии. Она вдохновляла его на борьбу за свободу. История воплотила в легенды реальные события, когда любовь перерождает человека, делает его достойным, гордым. Простите мне прозу нашей действительности после поэзии истории, но даже алкоголики, наркоманы, влюбившись, возвращаются к свету жизни.

Наши предки не только ради красоты воспевали любовь в легендах и сказках, где мужчинам приходилось преодолевать семь гор, переплывать семь морей, идти на единоборство с семиглавым чудовищем, у которого на месте одной отрубленной головы вырастали две. Какие только преграды мужчины не преодолевали ради того, чтобы завоевать женщину! С трудом добытое – всегда в цене.

В наши дни любовь становится бескрылой от того, что женщина легкодоступна, перестает быть женщиной. И мне хочется призвать ее оценить себя и понять одно – нет лучше, прекраснее чувства, чем любовь, когда она настоящая...

Художник М. Абдуллаев

Фазу Алиева

В графике Анатолия Шарыпова

Анатолий Нестерович Шарыпов – известный дагестанский график. В «Женщине Дагестана» он работал более пятнадцати лет, украшая журнал своими оригинальными колоритными рисунками. Рисовать Фазу, как он признается, и не думал никогда, так как придерживается в своей художественной деятельности уже определившегося направления – сюжетной графики. «Она незаурядный человек, большой поэт, привлекательная женщина со своей любовью к украшениям, нарядам. Как все это совместить? Это не мой жанр», – говорил художник.

Но к шестидесятилетию Фазу Алиевой он все-таки создал серию графических и живописных работ.

Анатолию Нестеровичу удалось в своих рисунках подчеркнуть, прежде всего, женственность, загадочность поэтессы. Его Фазу всегда романтична и возвышенна, ее образ – легкий, летящий, одухотворенный. Жгучий взгляд, горделивая посадка головы, высокая прическа, покрытая прозрачной воздушной накидкой; платье, струящееся волнующими воланами, которые подчеркивают изящную стройную фигуру.

А. Шарыпов сумел увидеть в Фазу Женщину, с ее тайной, ее загадочной и непредсказуемой душой, которая всегда в полете...

Художник А. Шарыпов

Слово о Фазу

Фазу Алиева – орлица дагестанской лирики, я предчувствую, что полет ее будет высоким.

Поэт Николай ТИХОНОВ

Романы Фазу Алиевой по праву занимают достойное место в дагестанской литературе, которая столь богата талантами. Поэзия и проза Фазу Алиевой, ее творчество стали явлением не только дагестанской, но и мировой литературы. Свидетельство тому то, что их переводят на многие языки мира.

Писатель и критик Олег ДОБРОВОЛЬСКИЙ

В стихах Фазу Алиевой глубокая философия, яркие образы; этот нежный горный ветерок скоро превратится в могучую бурю.

Поэт Михаил СВЕТЛОВ

Когда я читаю подстрочные переводы стихов Фазу Алиевой, я думаю, что прикасаюсь к обнаженному сердцу, – столько в них искренности и поэзии, что они мгновенно становятся моими чувствами, живыми и оживляющими.

Редко нашим современным поэтам удастся то, что мы читаем в поэзии Фазу Алиевой, в них мысли и чувства, союз ума и сердца.

Писатель Анатолий ИВАНОВ

Фазу послала мне подстрочники новых восьмистиший и четверостиший, пусть не будет громко сказано, – шедевры! И я прошу у Бога помощи, чтобы он дал мне силы хоть наполовину сохранить мудрость и чистоту ее лирики в переводе на русский язык.

Поэт и переводчик Яков СЕРПИН

Если бы среди миллионов женщин я увидел Фазу, я бы сказал: она поэт, и все, что творится в ее душе, можно прочесть в ее горящих глазах.

Поэт Василий ФЕДОРОВ

Женщина Дагестана

5/2022

На русском языке

Учредитель:

Агентство информации и печати
Республики Дагестан.

Главный редактор

Н. М. КЕРИМОВА
e-mail: j-dag@mail.ru

Редакционная коллегия:

заместитель главного редактора

А. Ю. АБДУРАХМАНОВА,
e-mail: delia25@mail.ru

ответственный секретарь

С. Х. БУЛГАЕВА

редактор русского выпуска

Г. Х. АСАДУЛАЕВА

редактор аварского выпуска

Б. Ш. МУХИДИНОВА
bahu4y@mail.ru

редактор даргинского выпуска

П. Г. ВАГИДОВА

редактор кумыкского выпуска

П. Х. ХАЙБУЛЛАЕВА

редактор лезгинского выпуска

Н. Н. ИБРАГИМОВА
e-mail: shikhnabieva1981@mail.ru

редактор лакского выпуска

З. Т. АБДУРАХМАНОВА

редактор табасаранского выпуска

С. М. ИСРАФИЛОВА

Корреспонденты:

Э. ИБРАГИМОВА,
А. ТАЖУДИНОВА,
В. РАТЕНКОВА.

Заведующий редакцией

С. М. ГАМЗАТОВА

Художественный редактор

Г. А. КУРБАН-АДАМОВА,
e-mail: guleymat@mail.ru

Адрес редакции и издателя:

367018, Республика Дагестан,
г. Махачкала, пр-т Насрутдинова, 1а.
e-mail: j-dag@mail.ru

Журнал отпечатан в типографии:

ГАУ РД Издательский дом «Дагестан».
г. Махачкала, пр-т Насрутдинова, 1а.

Телефоны редакции:

65-00-36, 65-00-37, 65-00-39, 65-00-40.

**Официальный сайт журнала «Женщина
Дагестана»: женщинадагестана.рф**

Дата выхода в свет 23.09.2022.

Формат бумаги 60 x 841/8.

Объем: 5,5 печ. л.

Заказ № 0717. Тираж (3231) 478 экз.

Журнал для семейного чтения. Издается
с 1957 г. Выходит на аварском, даргин-
ском, кумыкском, лакском, лезгинском,
русском, табасаранском языках один
раз в два месяца.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ТУ05-00429 выдано Управлением
Федеральной службы по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций по
Республике Дагестан.

На обложках:

I – портрет Ф. Алиевой. Художник
Г. Пшеницына; II – портрет Ф. Алиевой.
Художник Т. Кагиров; IV – портрет
Ф. Алиевой. Художник Х. Курбанов.

В номере использованы фотоматериалы из
архива редакции.

Моление

Мое заветное моление
Отныне до скончания лет:
Да будет миру исцеленье
От всех его невзгод и бед!
Пусть не царит вражда на свете
И не уходят наши дети
От безутешных матерей
Навстречу гибели своей.
Пусть, с роковой простившись модой,
Одумавшийся человек
Не спорит с матерью-природой,
Не губит гор, лесов и рек.
Пусть, в доброту не очень веря,
Листва стеной сомкнется вдруг
И скроет птицу, спрячет зверя
От жадных взоров, хищных рук.
Пусть не найдется обреченных
И будут много-много дней
С кобылой рядом жеребенок,
С коровой – крепнувший теленок,
С овцой – играющий ягненок –
До полной зрелости своей.
Пусть, повторяя грустный опыт

И лишним хлопотам не рад,
Дурной хозяин не утопит
У кошки отнятых котят.
Пока для всех лучится солнце,
Свое потомство на земле
Пусть пережить не доведется
Ни черепахе, ни змее.
Пусть будут благостным законом
И высшей правдой, данной нам,
О долге помнящим исконном,
Любовь и жалость к матерям.
Пусть правды этой всем хватает,
И никакая в мире мать
Того вовек не испытает,
Что мне досталось испытать.
Пускай ее не гнет кручина
У той плиты, где сын зарыт,
Пускай не мать хоронит сына,
А сын над матерью скорбит.
Мое закатное моление –
Нет у меня мечты другой –
Да будет миру исцеленье,
Да будет матерям покой!

Перевод Якова Серпина

